

ПРОРЫВ

№ 58

(№ 2 2018)

май 2018

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

читайте

В ЭТОМ НОМЕРЕ

В. Подгузов

К ВОПРОСУ
О КАТЕГОРИАЛЬНОМ
АППАРАТЕ
ФИЛОСОФИИ
МАРКСИЗМА

СТР. 2 - 15

А. Иванов

ОСОЗНАНИЕ
НЕОБХОДИМОСТИ
ПЕРЕХОДА
К КОММУНИЗМУ

СТР. 16 - 20

Н. Федотов

ОПЫТ КРИТИКИ
АНТИНАУЧНОЙ
ФАКТОЛОГИИ
ЛИБЕРАЛИЗМА

ЧАСТЬ 7

«МОСКОВСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

СТР. 21 - 31

В. Подгузов

КАПИТАЛИЗМ,
ГОСУДАРСТВО,
ИСКУССТВО

СТР. 32 - 45

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА

Валерий ПОДГУЗОВ

Одна из причин побед, одержанных классиками марксизма-ленинизма, при жизни, над ВСЕМИ своими теоретическими и политическими противниками заключается в точности их **победоносного** мышления, что, в общем случае, и именуется научным мышлением. В свою очередь, точность, с которой они на практике доказывали массам и противникам свои диаматические, экономические и политические «теоремы», достигалась абсолютной адекватностью используемых ими в ходе рассуждений **категорий**, т.е. понятий, содержанием которых являлись **конкретные** истины, точно отражавшие те или иные стороны объективной реальности.

История показала, что во все века, предшествовавшие появлению марксизма, подавляющее большинство людей по широкому кругу вопросов, особенно, по вопросам общественного развития, имели весьма туманные представления, а прогнозы, сделанные на их основе, имели и имеют очень низкую вероятность совпадения с реальностью именно потому, что мышление большинства древних и современных людей осуществляется не с помощью **категорий**, а с помощью терминов, словарное значение которых многовариантно и лишь приблизительно отражает сущность явлений, обозначаемых этими словами. А в значительном числе случаев, содержание, вкладываемое в эти слова, благодаря усилиям богословов, махистов и эйнштейнианцев, ложно, т.е. является фактическим заблуждением. Иными словами, по целому ряду важнейших

вопросов бытия, вербальные конструкции, содержащиеся в толковых словарях, священных писаниях, во многих учебниках, а потому и в сознании гигантских масс людей, представляли собой цепочки самоубийственных заблуждений, обрекающих их владельцев на губительную практику, в том числе, и на крестовые походы, мировые войны и демократические выборы. К числу слов, содержание которых наполнено минимальным смыслом и наименее расшифровано большинством человечества, относятся: смысл жизни, счастье, любовь, свобода, материя, время, пространство, собственность, товар, деньги, власть, политика, бог, капитал, демократия, выборы, религия, нация, социализм, коммунизм... Попробуйте на фундаменте либеральной и религиозной словесной диареи о смысле жизни построить рай на Земле.

Между тем, по мере культурного развития общества, освоения сил природы, некоторые слова наполнялись научным, бесспорно точным содержанием и превращались в **инструменты** дальнейшего познания элементов **объективной действительности**. Например, арифметика, алгебра, геометрия, рычаг, колесо, галеры, каторга, тюрьма, коррупция. Для представителей цивилизованного общества значение этих слов, даже, начертанных разными иероглифами или буквами, означает одно и то же. Т.е. некоторые слова уже в далёкой древности приобрели совершенно **категорическое**, не допускающее двойного толкования, планетарно признанное значение.

Следовательно, в истории человечества имеет место прогрессивная тенденция расширения вербального поля ноосферы, в которой слова превращаются в категории, точно отражающие сущность комплексных, многофакторных явлений. В последнюю очередь эта тенденция коснулась категорий, принятых для обозначения общественных явлений, отношений и процессов, поскольку, в этом случае, срывались покровы с тайны живучести эксплуатации человека человеком. А это не соответствовало интересам господствующих классов и их идеологической дворни.

Т.е. категория - это слово, принятое для обозначения истинного содержания, выведенных в ходе теоретического исследования причинно-следственных **связей** объективного бытия, подтвержденных общественно-исторической практикой, а не указаниями властного лица или демократическим голосованием.

Однако многие левые и сегодня не учитывают, что слова и закрепленный за ними смысл не отпочковываются готовыми от абсолютной идеи, как у Гегеля, и не возникают одномоментно. Смысл слова лишь со временем наполняется научным содержанием по мере **практического** постижения человечеством сущности явлений объективной реальности. Поэтому к содержанию толковых словарей следует относиться лишь как к достижениям конкретного исторического периода в развитии теории и практики познания, причем, в субъективной интерпретации авторитетов на год издания словаря. После подтверждения на практике точности сделанных субъективных открытий, толкование данного конкретного слова признается относительно или абсолютно истинным и фиксируется в биологических и технических носителях, т.е. в различных формах общественной памяти. Поэтому, руководствуясь учением марксизма, современным левым необходимо проделать огромную работу по самообразованию, определиться с широким кругом важных терминов и, учитывая понесенные идеологические поражения, привести свой категориальный аппарат в соответствие с объективными законами построения коммунизма.

Но на начальном этапе познавательного процесса у людей легко возникает иллюзия, что, отождествив своё понятие о явлении с внешней формой этого явления, они получают в своё распоряжение всё необходимое для результативно-

го мышления. Однако Маркс предупреждал: *«Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»*.

Например, слово «сейф». Любой словарь «скажет»: массивный железный ящик с прочным секретным замком. И только хорошо подготовленный марксист знает, что слово сейф обозначает **отношение** владельца содержимого этого сейфа ко всем окружающим его людям, в том числе и к родственникам, как к вора без малейшей презумпции их невиновности. Но иных отношений и не может существовать у владельца сейфа с окружающими его субъектами.

Ослабление антагонизма экономических отношений сказывается и на конструкции предметов. В советское время во многих учреждениях существовали «несгораемые шкафы» - тоже железные, но уже шкафы из 2-3 мм железа. Такие ящики не прятали за картины или открытые стеллажи, а ключ от них зачастую висел на гвоздике рядом с самим ящиком. Предназначением такого шкафа было уберечь ценные вещи и документы от стихийного бедствия, а не от людей.

Первое, что приходит на ум многим, при слове тюрьма, - это здание, на окнах которого решетки, а у крепких ворот стоит охранник. Поэтому у большинства, сидящих в тюрьме, ближайшим объектом ненависти и являются сами стены и их охрана. Массовая разрушительная истерика у стен Бастилии в ходе «великой» французской буржуазной революции убедительное тому доказательство.

Но тюрьмы капитализма оказались существенно вместительнее феодальных. По крайней мере, демократический режим в США держится на самых больших в мире «бастилиях» и самых стреляющих полицейских. Однако, как ни странно, трудно убедить людей, что стены и решетки тюрьмы являются лишь вещественными доказательствами господства в обществе таких форм **отношений** между людьми, такой степени взаимоистребляющего **антагонизма**, который можно на время смягчить, лишь изолировав за решеткой менее организованного, а потому слабейшего носителя этого антагонизма. Люди не понимают, что любая тюрьма есть всего лишь продукт **звероподобных** отношений частной собственности. Там, где между людьми нет отношений по поводу крупных массивов частной собственности, выходящих за рамки разумных объёмов личного потребления средств суще-

ствования и развития, там нет и не будет ни тюрем, ни решеток, ни охранников, зверствующих, но не испытывающих никакой личной неприязни к узникам. Просто, им платят ровно за это.

Таким образом, только выявляя объективное содержание и сущность познаваемого явления, обозначенного тем или иным словом на том или ином языке, человек пополняет свой словарный арсенал очередным **инструментом** познания всей развивающейся и окружающей его объективной действительности. **Вне качественного развития категориального арсенала исследователя, научный прогресс осуществлять невозможно.**

Общественная **историческая** практика является критерием истинности научных исследований, поэтому изучение теоретических работ Маркса и Энгельса, верность выводов которых была подтверждена победоносной **практикой** Ленина и Сталина, прижизненными победами Мао Цзэдуна, Ким Ир Сена, Хо Ши Мина, Энвера Ходжи, Фиделя Кастро, Уго Чавеса формирует основу личности, способной оказать серьёзное воздействие на ход исторических процессов. Формализм, начетничество, изучение марксистской теории в карьерных целях, естественно, ничего конструктивного личности не добавляет. Только там и тогда, где и когда действовали руководители, в основном и главным, владевшие категориальным аппаратом марксизма-ленинизма, творчески модифицировавшие конкретные его категории в конкретно-исторических условиях места и времени, там и тогда строительство коммунизма шло и идёт относительно успешно, или, по крайней мере, реставрация капитализма отложена на неопределенное время, несмотря на усилия всего мирового империализма.

Разумеется, чтение циничных мемуаров, например, Черчилля - довольно любопытное занятие для досужего читателя, как и чтение «Майн кампф». Однако, чему прогрессивному можно научиться у лица, потерпевшего сокрушительные поражения при жизни? Ведь, главной мечтой Черчилля было сохранение и расширение британской **колониальной** империи. Эта мечта ничем не отличалась от планов Муссолини и Гитлера: восстановить и расширить итальянские и немецкие колониальные владения за счёт британских. Не больше и не меньше. Все эти персоны посвятили защите колониализма всю свою феодальную кровожадность, изворотливость и риторику, делая всё необходимое для развития

фашизма в Европе, одновременно пытаясь толкнуть друг друга на борьбу с большевизмом. При этом, для Черчилля, т.е. добермана британского колониализма, в том числе, и в Палестине, холокост был малозначимым штрихом на фоне запланированной им второй мировой войны. Но и в этом он с Муссолини и Гитлером потерпели поражение от Сталина. Т.е. практика доказала несостоятельность суммы теоретических воззрений Черчилля и его конкурентов-двойников, Муссолини и Гитлера.

Могут сказать, что, тогда, следует изучить труды, например, Рейгана и Тэтчер, считавших себя главными организаторами победы над КПСС и СССР. И всё было бы хорошо, если бы не диагноз, поставленный врачами этим двум терминаторам: деменция (прогрессирующее старческое слабоумие). Разумеется, ломать - не строить, и для этого большого ума не нужно, хватит и старческого слабоумия. Но каковы избиратели США и Англии?!

Некоторые российские политики либерального и националистического толка преклоняются перед Бжезинским и Шарпом, тоже, льстившим себе, что имеют отношение к теории и практике «поражения коммунизма». Но они никогда не понимали, что одержали «победу» над КПСС в тот период её истории, когда в руководство КПСС, благодаря демократическому централизму, пробрались, практически, одни оппортунисты, т.е. безграмотные люди, а развал КПСС и СССР изнутри был их собственной личной целью.

Но СССР, созданный под руководством Ленина и Сталина, был настолько прочен, что предателям, облеченным огромной властью, например, Хрущеву, Андропову, Горбачеву потребовалось в сумме больше 30 лет, чтобы реализовать свои планы развала КПСС и СССР **изнутри**.

Естественно, Хрущев никогда открыто не заявлял, что его цель - разрушить СССР. Наоборот, он утверждал, толкая страну на экстенсивный путь развития, соблазняя рабочих личной материальной выгодой, что он строит коммунизм. Однако благими, но некомпетентными пожеланиями, всегда мостится дорога в ад. Разрушая сталинскую модель СССР, насаждая совнархозы, сначала Хрущев, затем Андропов, своим переводом предприятий и министерств на полный хозрасчёт, разрушили централизованное планирование и заложили основы кадрового загнивания ЦК КПСС, заселение партийного руководства на всех уровнях такими безграмотными

предателями дела коммунизма как Абалкин, Канторович, Калугин, Яковлев, Волкогонов, Ельцин. А поскольку в качестве эталона форм и объёмов потребления Хрущевым были прорекламированы... США, постольку нет причины удивляться быстрому возрождению контрабандистов, мошенников, валютчиков, цеховиков, спекулянтов в СССР, особенно при грозном, но больном и недееспособном двурушнике Андропове.

Практика доказала, что никакого автоматизма в строительстве коммунизма не существует. Подобно тому, как в педагогике идейно-политическое содержание обучения всецело определяется составом лекторов, содержание политики и результатов деятельности партии всецело определяется составом ЦК. Если авангардом рабочего класса является партия, руководство которой реально освоило объективные законы общественного развития на ленинском уровне, то Революция продолжается. Если во главу партии, механизмом демократического централизма, вознесены люди некомпетентные, то построение коммунизма откладывается, а всевозможные бжезинские и шарпы будут тешить себя иллюзиями, что они повернули историю вспять.

Одна из причин бессилия руководства всех уровней и большинства дипломированных и остепененных членов КПСС образца 1991 года объективно состоит в том, что за 38 лет истории, предшествовавшей этому событию, ими не были выработаны сколь-нибудь продуктивные методики изучения и развития категориального аппарата марксизма, которые бы соответствовали объективным изменениям, произошедшим в мировом сообществе. В результате, партия из носителя и пропагандиста передового научного мировоззрения всё больше превращалась в собрание рвачей и выжиг, усвоивших правила игры «сделай себе карьеру под видом строительства коммунизма».

После Сталина в общественной науке СССР воцарился, как минимум, формализм. И до сих пор осталось не понятным, что освоение теоретического наследия гениев не достигается одним лишь прослушиванием лекций по марксизму в интерпретации третьих лиц, или периодическим бессистемным почитыванием трудов классиков. Марксизм не предполагает слепого доверия дипломированным референтам при генсеке, а требует от каждого руководителя партии на **всех уровнях ЛИЧНОГО** знания теории, её развития и применения на практике. Но после

Сталина, «на должность Сталина» в КПСС избирались люди, не имеющие никаких достижений в области теории марксизма, в её развитии и применении на практике. Хорошо ещё, что Брежнев, Суслов и Черненко следовали букве и важнейшим лозунгам марксизма, игнорируя хрущёвскую критику «сталинизма», поэтому все потуги мирового империализма на развал социализма в СССР, были, целых 18 брежневских лет правления, обречены на полный застой. А уж победа СССР над США в войне во Вьетнаме - лучшее доказательство, что и застойный социализм сильнее мирового империализма.

Марксизм-ленинизм является интеллектуальным продуктом, выработанным безусловными **гениями** теории и практики, но, в современных условиях, капитализм вынуждает молодых людей братья за решение конкретных общественных проблем, не освоив общего - научной методологии. Поэтому, несмотря на численный рост молодежи с левыми взглядами на жизнь, результаты их усилий - очень скромные. Многих из них, буквально, пугает, что освоение трудов, вышедших из-под пера гениев, требует огромных затрат умственной энергии и времени, но может иметь, тем более, на первых порах, довольно скромные результаты. А, ведь, так хочется все и сразу.

Остаётся непонятым, что каждый, пожелавший принять личное участие в деле очеловечивания общества, должен, тем более, на начальной стадии, запастись терпением, мобилизовать всё своё интеллектуальное усердие, физические силы для выполнения личной программы самообучения и самовоспитания, освоения истинного содержания категорий марксизма, не страшась трудностей и усталости. Образно говоря, современное левое движение остро нуждается в Павках Корчагиных, но, сначала, на теоретическом фронте.

Однако многие усидчивые левые, даже, убежденные седины, не учитывают, что собрание сочинений классиков марксизма-ленинизма не «святое писание», а сборник их работ, расположенных составителями в хронологической последовательности, т.е. по мере перехода автора от одной темы к другой, от одного открытия к другому, более высокому, от уяснения вопроса, сначала, для себя, затем, к изложению вопроса для внедрения содержания открытых объективных законов общественного развития в сознание, прежде всего, авангарда пролетарского класса. Следовательно, от тома к тому категориальный

аппарат классиков, арсенал марксизма-ленинизма **наполнялся** все более совершенным содержанием, что и требует от последователей тонкого учёта поучительного **движения** мысли гениев от низшего знания к высшему. Причем, труды Ленина и Сталина следует рассматривать не как расположенные рядом с работами Маркса и Энгельса в хронологическом порядке, а как **развитие** трудов Маркса и Энгельса на базе богатейшей многолетней **победоносной** общественной **практики большевиков в России**.

Многие ещё не понимают, что некоторые ранние положения марксистско-ленинской теории соотносятся с поздними, особенно, принесшими практические победы в период с 1917 до 1953 года, в строгом соответствии с действием закона отрицания отрицания, если, конечно, разбираться в сложной сути действия этого закона. А потому, вряд ли, в рамках современной российской действительности можно чего-то добиться, если строго руководствоваться положениями только ранних трудов Маркса и недооценивать всё то, что обосновали и осуществили Ленин и Сталин, и что оказалось непонятым и не развитым другими генсеками КПСС после Сталина.

Так, например, анализ теоретического наследия классиков марксизма показывает, что в их ранних трудах интенсивно используется слово пролетариат, хотя, уже в «Манифесте КП» мы встретим и выражение «рабочий класс». Не утруждая себя вопросом: «Почему так?», составители предметного указателя к первому тому «Капитала» в разделе «пролетариат» ссылаются на раздел «рабочий класс», а в разделе «рабочий класс» ссылаются на раздел «пролетариат». Становится ясно, что, для составителей предметного указателя, как и для всего идеологического отдела ЦК КПСС, слова пролетариат и рабочий класс, практически, синонимы. Они не придавали значения тому, что слово «пролетариат», фактически, обозначает эксплуатируемый класс, юридически добровольно нанимающийся на работу к своему грабителю, предпринимателю, а выражение «рабочий класс» принято в марксизме для обозначения непосредственного общественного производителя, доросшего до ОРГАНИЗОВАННОЙ борьбы за полное уничтожение своей эксплуатации. Вот такая «мелочь». В составе Верховного Совета СССР были сотни рабочих и ни одного пролетария. Поэтому, не случайно, что в своих поздних трудах, Ленин и Сталин, вместо короткого выражения «диктатура пролетариата» пред-

почтение отдают более «длинному» словосочетанию: «диктатура рабочего класса», полнее отражающему сущность этого, не только борющегося, но и побеждающего класса под руководством своего авангарда, вооруженного наукой.

В своей последней теоретической работе «Экономические проблемы социализма в СССР», при кажущейся её географической и исторической привязанности к практике СССР, Сталин поставил несколько наиболее общих научных вопросов о дальнейшем развитии категориального аппарата марксистской теории, приведение его в соответствие объективному опыту побед и новым задачам.

Однако после смерти Сталина, коллективный разум ЦК КПСС, не смог родить ничего, кроме различных названий «социализму» в его беге на месте, благодаря, в том числе, и деградации идеологического аппарата КПСС. Здесь был и реальный, и зрелый, и развитой социализм, и рыночный социализм, и социализм с человеческим лицом, и... ни шагу вперед, к коммунизму. Как пел в своё время Высоцкий: *«бег на месте общепримиряющий»*.

Легко заметить, что в трудах классиков, наряду со словом «социализм», используется и выражение «низшая, первая фаза коммунизма». Но оппортунисты пытаются спекулировать и на этом обстоятельстве. Они стараются все внимание левых сосредоточить на слове «социализм» и на своём толковании содержания этого слова, на необходимости построения, сначала, безукоризненного социализма, соответствующего их толкованию и только после выполнения этой **сизифовой** задачи, можно будет перейти к разговорам о строительстве полного коммунизма.

Точно так, как Плеханов не смог понять, что буржуазную революцию можно и необходимо перевести в коммунистическую, пользуясь достаточным уровнем развития капитализма в России, высочайшей концентрацией и централизацией банковского и промышленного капитала, воспользовавшись войной между империалистами, зрелостью субъективного фактора, в том числе, опытом вооруженных масс и их Советов по свержению царизма, точно так большинство современных оппортунистов не собирается (скорее, трусит) говорить о строительстве коммунизма, даже в тех странах, где у власти находятся партии с коммунистическими названиями.

Можно лишь восхищаться теоретической и организаторской гениальностью Ленина, который

в октябре 1917 года все-таки сделал то, что меньшевики, плехановцы и троцкисты помешали сделать Ленину в апреле 1917 года в условиях «двоевластия», когда, на самом деле, у рабочих и солдатских Советов была реальная власть и авторитет в массах рабочего класса и в армии, а Временное правительство не имело его даже в армии, присягнувшей Керенскому.

Такой анекдотичной глупости не придумает даже Жванецкий, какую придумали Плеханов с Троцким в апреле 1917 года, фактически, призвав РСДРП, в том числе, большевиков, способствовать построению в России такого капитализма, который не стыдно будет свергать, а свергнув, легко можно будет построить, видимо, вместе с резвившейся буржуазией, некий совершенный социализм. Они не замечали, что предприниматели России уже участвуют в **империалистической** войне на равных с другими империалистами мира и, в случае победы, участвовали бы в разделе мира между колониальными империями, т.е. в переделе поделенного мира, а значит, в подготовке очередной империалистической войны. Именно для того русская буржуазия и свергала монархию в России, посадила всю царскую семью в тюрьму, чтобы не делиться с плодовитым феодальным кланом Романовых.

Напрашивается вопрос, чем оппортунисты читали ленинские работы по империализму, не говоря уже о работах Энгельса, Гильфердинга, Гобсона, Каутского, Брандта, Блюха, доказавших ещё в 19 веке, что мировой рынок окончательно вступил в фазу господства финансового капитала, монополий, следовательно, мировых войн за ПЕРЕДЕЛ мира, и он не позволит кому бы то ни было строить капитализм свободной конкуренции и демократических выборов, если таковые, вообще, существовали в истории.

Одна из главных причин, превративших достаточное количество начитанных, некогда марксистов, Каутского и Плеханова, в оппортунистов, явился их фактический отказ от переформатирования и углубления своего категориального аппарата в новых исторических условиях. Т.е. они не усвоили главное требование диалектики марксизма: рассматривать ВСЕ явления в их спонтанном развитии. Они почтили на лаврах знатоков буквы марксизма 19 века и не поняли, что мировой капитализм, независимо от того, на какой фазе развития находятся те или иные народы, превратился в **империализм глобальной прописки**, и

первая мировая война была тому **беспрецедентно** кровавым подтверждением.

Тем не менее, вопреки всякой логике, в 1991 году в СССР был таки, наконец, провозглашен, желанный для оппортунистов КПСС, как им казалось, домонополистический рыночный капитализм, за что олигархи США страшно полюбят Россию. Ну, и что, мир умиленно смотрит, как живет российский домонополистический капитализм? Как развиваются его «демократические» институты и ждёт не дожждётся (вместе с современными троцкистами), когда же, наконец, созреют в России все необходимые объективные предпосылки для реализации модели мировой пролетарской революции в том варианте, о котором вскользь говорилось в ранних работах Маркса?

Нужно ли напоминать, за сколько месяцев Чубайс организовал в РФ всевластие олигархов, т.е. за сколько месяцев некоторые бывшие советские граждане стали олигархами и вписались в контекст мирового империализма, вывезли миллиарды в офшоры, или за сколько месяцев олигархи США превратили страны Восточной Европы и Прибалтики в свои колонии, а Сербию, просто, разбомбили и разорвали.

Нужно ли доказывать, что Путин пытается реализовать утопическую идею: построить хороший капитализм в РФ и оттянуть время раздела РФ между ведущими странами НАТО, а в конечном итоге, избежать приватизации всех стран бывшего СЭВ олигархами США. Российские троцкисты, типа Дьяченко, Сарабеева пишут статьи о необходимости развития домонополистического капитализма в то время, когда Путин в своих выступлениях уже констатирует, что в РФ уже произошло картелирование, и олигархи, просто, душат мелких и средних предпринимателей, как котят.

Путин поручил ФАС совместно с МВД, ФСБ, Следственным комитетом и при участии Генеральной прокуратуры до 1 октября 2017 года разработать программу мер по выявлению и пресечению деятельности картелей и при необходимости создать соответствующий межведомственный координационный орган. Как сообщило РИА Новости, Путин поручил правительству внести в Госдуму проекты федеральных законов, направленных на своевременное выявление и пресечение деятельности картелей, а также на ужесточение уголовной и административной ответственности за такую деятельность.¹

1. Путин поручил ужесточить ответственность за создание картелей. 08.08.2017 (<https://ria.ru/economy/20170808/1499961235.html>)

Нашему бы теленку, да волка съесть. Теперь перед руководителями всех звеньев поименованных силовых структур, как перед подполковником Захарченко, во весь рост, без вариантов, встала задача на уровне сборника ЕГЭ: по какой формуле рассчитывать величину взяток от картелей. А то, что картели привыкли покупать всё и всех, не вызывает сомнения. Разумеется, не все чиновники будут куплены картелями, часть останется «честными», но тем, кто будет нужен олигархам - будут сделаны предложения, от которых будет **невозможно** отказаться, если чиновники хотят, чтобы члены их семьи остались живы.

Поэтому, в современных условиях, например, категория «капитализм» абсолютно не равна той, которая детально разработана Марксом в первом томе «Капитала» до 760 его страницы, поскольку в конце 760 страницы Маркс пишет о том, к каким глобальным и трагическим последствиям приводит накопление прибыли безобидным, на первый взгляд, домонополистическим капиталом. А уже в работе «Империализм как высшая стадия капитализма», Ленин применяет слово «капитализм» для обозначения империализма. Позже, словом «капитализм» Ленин обозначает уже ВГМК (военно-государственный монополистический капитализм), превратившийся в полную материальную предпосылку построения первой фазы коммунизма. Даже в Бангладеш всего 30 частных банков осуществляют действительное управление рынком страны при численности населения в 200 млн.чел. и, самый богатый банкир, получил нобелевскую премию. Для сравнения, современный рынок России, при численности населения менее 150 млн.чел., на 2016 год управлялся почти 600-ми частными банками. В США за последние 30 лет количество банков на 300 млн.чел. уменьшилось с 18 000 до 5 000. С точки зрения централизации банковского капитала, Бангладеш обгоняет и РФ, и ЕС, и США. Однако в Бангладеш пахнет очень сильно и очень многим, только не близким коммунизмом.

Таким образом, признав необходимость периодического уточнения содержания марксистских категорий, необходимо учитывать, что идеальным является случай синхронного пополнения субъективных представлений в сознании индивида сведениями об изменениях в окружающей среде. В реальности же, общественное сознание, практически, всегда с некоторым опозданием фиксирует важные изменения и, порой, веками не постигает их истинного содержания. Особенно этим славится религиозный и националистический типы мышления.

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ТРАКТОВКА КАТЕГОРИЙ КОММУНИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Быть марксистом означает, прежде всего, выполнять требования закона диалектики о том, что объективное **развитие** мира должно оперативно отражаться в категориальном аппарате и становиться достоянием каждого левого, чтобы, например, при слове «свет», у него возникал в сознании не образ керосиновой лампы, а понимание, что полноценный свет для человека - это учение. Только тогда гарантирован и электрический свет.

Однако необходимо помнить, что в марксистском категориальном аппарате сосредоточены уже и **абсолютные** истины, развивать, а следовательно, отрицать которые, вряд ли возможно и потому, что они абсолютны, и потому, что современная общественная практика в важнейших вопросах не достигла тех рубежей, за которыми возникает объективная необходимость корректировки содержания коренных категорий марксизма. Трудно говорить о прогрессе, когда мир толкают к третьей мировой войне. Просто, американские и английские олигархи, пока, никак не найдут народ, чье пушечное мясо можно погнать на бойню, ради достижения целей американского империализма. В этом ключе активно изучается Украина, Прибалтика, Румыния.

Разумеется, наука содержит не только абсолютные истины, но и предполагает генерацию гипотез, опережающих события. Однако в истинную категорию данной науки гипотеза превращается только после безусловного подтверждения общественной практикой.

Практика ленинского и сталинского периода подтвердила верность объективных законов, открытых Марксом, но, при жизни, Ленин и Сталин, в силу объективных причин, не успели решить **окончательно** часть важных задач, связанных с **построением** общества, в котором научное мировоззрение заняло бы господствующее положение. Пользуясь отсутствием гениев, учение марксизма-ленинизма было опошлено троцкистами и вульгаризаторами, поэтому практика в СССР после 1953 года пошла по пораженческому сценарию.

В настоящее время остро необходимо вновь наполнить категории, используемые левыми, марксистско-ленинским содержанием, рожден-

ным на этапе, приносившем **победу за победой**, и исключить ошибочные формулировки, приведшие к деградации КПСС и распаду СССР и СЭВ. Одержать победы, более внушительные, чем во времена Ленина и Сталина, а другого варианта не существует, марксисты могут, только пополнив прежние, проверенные категории новыми, адекватными эпохе, определениями.

В середине девятнадцатого века, для обозначения стратегической цели в левом движении, люди, наиболее подготовленные в научном плане, в нарастающем объеме стали использовать слово «коммунизм», пытаясь убедить всех социалистов в необходимости этого смыслового нововведения. Причем, впервые в истории человечества, обоснование содержания термина «коммунизм» было выведено не из житейских соображений, моральных и религиозных норм, не из текущих представлений о благосостоянии людей, а из содержания объективных тенденций стремительного развития условий материального воспроизводства реального монополистического капитализма. Начиная с 1847 года, Маркс и Энгельс проделали гигантскую исследовательскую работу, чтобы наполнить слово «коммунизм» научным содержанием. Одним из крупных достижений этой работы явилось создание формационной теории развития общества, в которой было отражено два важных момента. Во-первых, что земное сообщество развивается в русле смены общественно экономических формаций и, во-вторых, что дело вовсе не в обязательном пребывании каждой страны последовательно во всех формациях, пройденных какой-то страной ранее других, а в том, что базис, т.е. господствующие производственные отношения, порождает своим содержанием, соответствующую борьбе противоположностей, противоречивую картину в идеологической и научно-теоретической надстройке, т.е. они открыли материалистические основы классовой борьбы в области науки.

После научного обоснования классиками марксизма формационной теории развития человечества, после цепи практических побед, одержанных рабочим классом под управлением, прежде всего, Ленина и Сталина, появилась возможность представить, умышленно запутанную услужливыми «летописцами», картину этого развития,

ясно и четко. Теперь, картину развития человечества за последние, описанные различным образом, 100 000 лет истории может понять школьник средней школы. (См. схему № 1).

Но после выяснения наиболее общей линии развития человечества, исследователь обязан перейти к исследованию тех самых деталей, в которых и кроются «бесы революции», заводящие революции в тупики реставрации.

Даже, если исходить из арифметической, а не диалектической логики, то и тогда ясно, что теоретически существует кратчайшая историческая «линия», соединяющая две исторические точки между капитализмом и коммунизмом. В диалектике этот переход именуется скачком. О смене общественно экономических формаций можно говорить лишь после ПОЛНОЙ замены господствующих производственных отношений на противоположные. Но это не может произойти в одночасье. Поэтому, следовательно, полная смена одной формации на противоположную происходит и по достаточно сложной «траектории», в которой не могут не присутствовать возвратно-поступательные моменты, и в течение достаточно длительного времени. Это буржуазная политическая революция может произойти в несколько недель за счёт усекновения коронованных голов, как это было в Англии и Франции, поскольку все буржуазные отношения уже были установлены задолго до политического переворота. А коммунистические производственные отношения не возникают внутри капитализма, тем более на империалистической его стадии загнивания.

Именно, неизбежно протяженный во време-

ни, в пространстве и по содержанию задач, объективный ход трансформаций рыночных производственных отношений в коммунистические, привел классиков марксизма к выводу, что революционный скачок, содержанием которого является отмирание рыночных, стихийных экономических отношений и становление научно обоснованных, централизованных, плановых, сознательных производственных отношений, вытесняющих буржуазные, может быть только поэтапным, может быть в течение, как оптимистично предполагал Ленин, столетия, которое прогрессивное человечество и отметило в 2017 году.

Описывая поэтапный характер коммунистической революции, Маркс писал:

«Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло... Но эти недостатки неизбежны в ПЕРВОЙ ФАЗЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества...»

На ВЫСШЕЙ ФАЗЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, после того как исчезнет поработавшее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет самой первой потребностью, когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественных богатств польются полным потоком, - лишь тогда можно будет преодолеть узкий горизонт буржуазного права и общество сможет написать на своём знамени: Каждый по способности, каждому по потребностям!».

Демонстрируя своё полнейшее согласие с этой частью учения Маркса, Ленин писал:

«Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то,

что один ещё переход средств производства в общую собственность всего общества («социализм» в обычном словоупотреблении) не устраняет недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое продолжает господствовать, поскольку продукты делятся «по работе».

«...Но эти недостатки, - продолжает цитировать Маркса Ленин, - неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества...»

«Таким образом, - пишет уже сам Ленин в сентябре 1917 года, - в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признаёт их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку - и лишь постольку - «буржуазное право» отпадает».

Как видим, понимая, насколько большая часть рабочих, крестьян недостаточно большевизирована, а интеллигенция, в значительной своей части, владеет ремеслом, несколькими иностранными языками, играет на музыкальных инструментах, соблюдает религиозные предписания, но не владеет, даже, диалектикой Гегеля, Ленин всё время извиняется перед более грамотными читателями за необходимость использовать такое далёкое от науки слово как «социализм», указывая на неизбежную засоренность социализма гигантскими буржуазными пережитками в сознании людей, особенно богословов.

«Но, - продолжает Ленин, - оно [буржуазное право, - В.П.] остаётся всё же в другой своей части, остаётся в качестве регулятора (определивателя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает, тот не должен есть» - этот социалистический принцип уже осуществлён; «за равное количество

труда равно количество продукта» - и этот социалистический принцип уже осуществлён. Однако это ещё не коммунизм, и это ещё не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда даёт равное количество продукта. Это - «недостаток», говорит Маркс, но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научатся работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не даёт сразу».

Как видим, имеет место полное совпадение марксовской и ленинской терминологии, при совершенно прохладном отношении к старорежимному, спекулятивному, ненаучному слову «социализм». Но, к сожалению, пропагандистам всегда необходимо учитывать «толковый словарь», порой, совершенно бестолковой аудитории вечных троечников и колеблющихся молодых троцкистов.

Однако, и в своих важнейших и поздних работах, Ленин пишет:

«Естественно и неизбежно, что первое время после пролетарской революции нас занимает более всего главная и основная задача, преодоление сопротивления буржуазии, победа над эксплуататорами, подавление их заговора (вроде «заговора рабовладельцев» о сдаче Питера, в каком заговоре участвовали все от черной сотни и кадетов до меньшевиков и эсеров включительно)».

Здесь, как видите, Лениным описана главная, силовая, политическая задача переходного периода, от решения которой зависит возможность, в дальнейшем, приступить к решению каких бы то ни было созидательных задач собственно коммунистической революции. Отсюда следует, что, как только местная и внешняя крупная буржуазия утрачивает способность к массовой организованной вооруженной борьбе против молодой республики, как только промышленность и сельское производство и обращение начинает устойчиво отзываться на управленческие решения партии и возглавляемой ею Советы, появляются достаточные основания утверждать, что переходный период успешно завершён и можно приступать к непосредственному строительству

коммунизма, бескомпромиссно преодолевая многоукладность экономики.

Развивая эту мысль и заглядывая за пределы переходного периода, Ленин писал:

«...рядом с этой задачей столь же неизбежно выдвигается - и чем дальше, тем больше - более существенная задача положительного КОММУНИСТИЧЕСКОГО строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества. (Заметим в скобках: [вновь извиняется Ленин перед дремучими социалистами] научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово - более высокую, дальнейшую ступень его.)

Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее - вплоть до уничтожения классов - но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами.

А что это значит «уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение.

Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это - дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками.

Предполагать, что все «трудящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией ДОПОТОПНОГО, домарксовс-

кого, социалиста. Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает только из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, только пролетариат. Кто пытается решать задачи перехода от капитализма к социализму, исходя из общих фраз о свободе, равенстве, демократии вообще, равенстве трудовой демократии и т. п. (как это делают Каутский, Мартов и другие герои бернского, желтого, Интернационала), те только обнаруживают этим свою приходу мелких буржуа, филистеров, мещан, рабски плетущихся в идейном отношении за буржуазией».

Эта ленинская оценка без каких-либо смягчений полностью относится ко всяким косыгиным, либерманам, хрущевым, канторовичам, андроповым, абалкиным, горбачевым, лигачевым и другим «социалистам», вымостившим своим строительством и перестройкой социализма, дорогу в ад миллионам современных гастарбайтеров, бывшим гражданам СССР.

«Московские чернорабочие и московские железнодорожники, - писал Ленин, - (конечно, имея в виду большинство, а не горстки спекулянтов, управленцев и т. п. белогвардейщины), это - трудящиеся, которые живут в условиях, отчаянно трудных. Недоедание постоянное, а теперь, перед новым урожаем, при общем ухудшении продовольственного положения, прямо голод. И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивают коммунистические субботники», работают сверхурочно без всякой платы и достигают громадного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих пе-

редовую технику, рабочих. Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как фактическое начало коммунизма, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму» (как сказано, совершенно справедливо, в нашей партийной программе).

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достаемых не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик».

А ведь шел кровавый 1919 год, до образования СССР ещё было три года. Но Ленин, в отличие от Андропова и Горбачева, пытавшихся «разобраться» с социализмом в 80-е годы, видел ростки коммунизма тогда, когда ещё Дзержинский не начинал борьбу за транспорт и за счастливое детство маленьких граждан СССР.

«Карл Маркс в «Капитале», - продолжает Ленин, - издевается над пышностью и велеречивостью буржуазно-демократической великой хартии вольностей и прав человека, над всем этим фразерством о свободе, равенстве, братстве вообще, которое ослепляет мещан и филистеров всех стран вплоть до нынешних подлых героев подлого бернского Интернационала. Маркс противопоставляет этим пышным декларациям прав простую, скромную, деловую, будничную постановку вопроса пролетариатом: государственное сокращение рабочего дня, вот один из типичных образчиков такой постановки. Вся меткость и вся глубина замечания Маркса обнаруживается перед нами тем яснее, тем очевиднее, чем больше разворачивается содержание пролетарской революции. «Формулы» настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного, торжественного фразерства Каут-

ских, меньшевиков и эсеров с их милыми «братцами» из Берна именно тем, что они сводят все к условиям труда. Поменьше болтовни о «трудовой демократии», о «свободе, равенстве, братстве», о «народовластии» и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фразах так же легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно «гладкую» физиономию и внешность «блаародного чеаека», сразу и безошибочно определяет: «По всей вероятности, мошенник».

«Мы должны все признать, - писал Ленин, - что следы буржуазно-интеллигентского, фразистого подхода к вопросам революции обнаруживаются на каждом шагу повсюду, в том числе и в наших рядах. Наша печать, например, мало ведет войны с этими гнилыми остатками гнилого, буржуазно-демократического, прошлого, мало поддерживает простые, скромные, будничные, но живые ростки подлинного коммунизма».

Уже несколько лет «Прорыв» ведёт об этом речь, призывая коммунистов перейти на ленинский язык научных категорий, отправить на свалку истории этот, как говорил Ленин, дремучий термин - социализм, а в теории и на практике, раскрывать ростки коммунизма и пестовать именно их. Но, пока, страх и лень сковывает многих носителей коммунистических названий и партбилетов. Они стараются не заглядывать дальше построения (каждый своего) социализма, а свою научную немоту тщательно скрывают за звонкой фразой борьбы, например, с путинским режимом... около урн для голосования, что и продлевает жизнь капитализму в виде олигархического империализма.

«Возьмите положение женщины, - писал Ленин в условиях пережитков капитализма, - ...Женщина продолжает оставаться домашней рабыней, [Это в лучшем случае, а на территориях, захваченных белогвардейцами их возвращались на панель, - В.П.] несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, оупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее

труд работою до дикости непродуцительною, мелочною, изнервляющею, оупляющею, забивающею. Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство. Достаточно ли внимания уделяем мы на практике этому вопросу, который теоретически бесспорен для каждого коммуниста? Конечно, нет. Достаточно ли заботливо относимся мы к росткам коммунизма, уже теперь имеющимся в этой области? Еще раз, нет и нет. Общественные столовые, ясли, детские сады - вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые на деле способны освободить женщину, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиною, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни».

Нельзя без чувства стыда читать эти ленинские строки в 2018 году. В 1919 году в империалистическом окружении, в условиях дикой разрухи, Ленин диаматически исследуя реальность, находит в ней массу ростков именно коммунизма, не боится писать и говорить о них, видит в них и только в них источник всех уже одержанных побед, требует от партии смелого разговора на эту тему и самой предметной, конкретной организаторской работы. Но ни тогда, ни во времена Брежнева, не говоря уже о безвременье горбачевщины, у носителей коммунистических билетов не хватило ни ума, ни образованности, ни сердца, чтобы воплотить эти ленинские предначертания в жизнь. Вряд ли возможно, вводить конкретные коммунистические меры, если в сознании господствует слово социализм. Самой обсуждаемой темой в коммунистических средах, уже ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА являются рынок, демократия, выборы президента.

Но, даже, раскрывая свои планы, на случай победы, кандидаты в президенты РФ от коммунистов, в лучшем случае, ведут речь оЕ социализме и только о социализме, по той простой при-

чине, что они никогда не задумывались о том, как строить коммунизм. Понимая это, олигархи всего мира, давно уже подружались со всеми социалистическими партиями, понимая, насколько это безобидная и безопасная для империализма компания, ожидающая, когда капитализм сам, случайно дорастёт до коммунизма через механизм пособий по безработице.

Между тем, если учитывать приведенные цитаты классиков марксизма, и их прижизненный победоносный опыт, то современные коммунисты должны понять простую истину: назовите начальный этап строительства коммунизма, хоть, низшим, хоть первым, хоть социализмом, но **построить полный коммунизм можно, если на низшей, первой его фазе строить из ростков коммунизма ПОЛНЫЙ КОММУНИЗМ. Никакого иного механизма построения коммунизма придумать невозможно. (См. схему № 2)**

задачи, тем медленнее идет дело строительства коммунизма, если оно вообще идёт. И хорошо было бы, если бы построение коммунистических производственных отношений зависело лишь от жгучего **желания**. Но общество с господством научного мировоззрения на благих пожеланиях не построишь.

ОТ ФИЛОСОФСКИХ АБСТРАКЦИЙ К ДИАМАТИЧЕСКОЙ КОНКРЕТИКЕ

Не будет преувеличением, если сказать, что беда КПСС состояла в повальной философской неграмотности 19 миллионов коммунистов, в том числе дипломированных, остепененных, особенно членов ЦК КПСС, а

тем более, Политбюро, ЦКК и КГБ. Достаточно вспомнить трансформацию, которую претерпели, например, сам Андропов и Яковлев с Волкогоновым, переродившиеся из руководителей высших идеологических органов КПСС в отъявленных ренегатов, чтобы понять, абсурдность идентификации коммуниста по партбилету, а не по фактам его деятельности. Точно так обстоит дело и с категорией СССР. Участники «Движения граждан

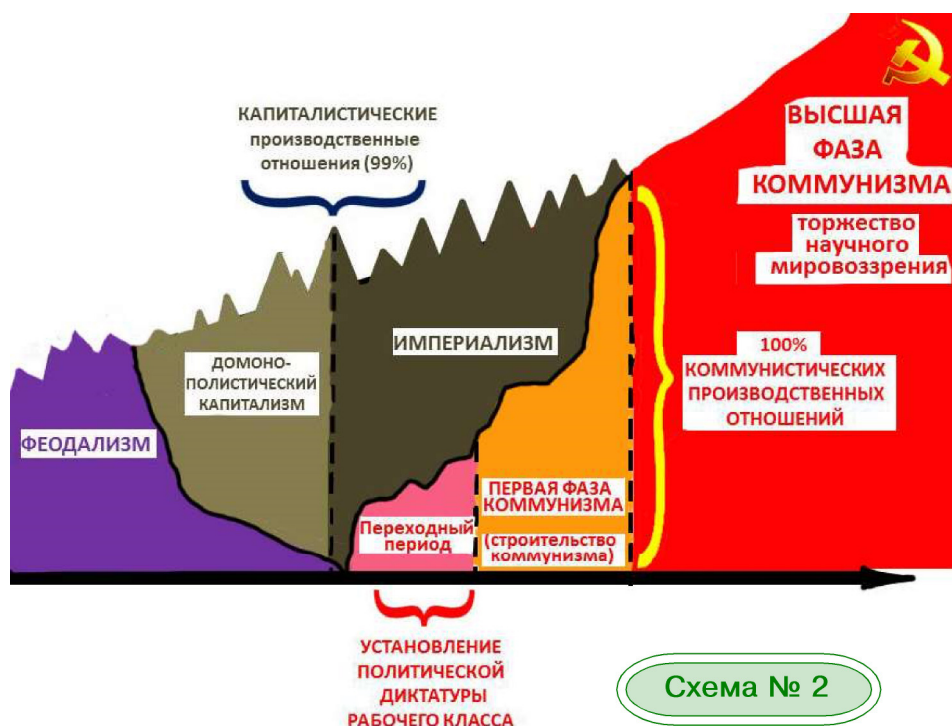

Схема № 2

Эта схема не доказательство, а лишь наглядное пособие, иллюстрация того, что в момент политического переворота и прихода к власти пролетарских масс под руководством ленинцев, капиталистические экономические отношения составляют едва ли не 100% всех отношений в стране. Перед коммунистами стоит совершенно ясная задача: не обращая особого внимания на то, сколько это займет времени, заменить эти 100% капиталистических отношений на **100% КОММУНИСТИЧЕСКИХ** производственных отношений. Чем меньше партии с коммунистическими названиями думают над решением именно этой

СССР», теоретическим обеспечением которого занимается Хабаровов, вдохновляют друг друга лозунгом, что, юридически, СССР существует, тем самым, игнорируя **вопиющую КОНКРЕТИКУ**, что СССР образца 1953 года, не равен СССР периода хрущевины, тем более СССР, периода Андропова и его «протее», Горбачева, когда на печатях и монетах ещё печатался герб СССР, а по улицам Москвы, Таллина, Риги, Киева, Вильнюса уже маршировали люди со свастикой на руках.

Хотят ли вернуться сторонники Хабаровой в СССР 1990 года, когда юридически СССР сто-

ял незыблемо, а директора заводов СССР уже стали их фактическими хозяевами, а шахтёры, металлурги и транспортники бастовали и требовали отстранения КПСС от управления экономикой в пользу акционеров, имея в виду и себя?

Судя по публикациям Хабаровой, она сторонница сталинской модели первой фазы коммунизма в СССР. Но как эту модель можно возродить, если не сделать всё необходимое для воссоздания ВКП(б) в виде даже лучше, чем это было к июню 1941 года? Борьба за конкретный коммунизм сильно отличается от огульного позёрства, и Съезд граждан СССР, в свете этой задачи, удручающе слабое подспорье.

Практика теоретической работы в КПСС показала, что совершенно безнадежным делом являются попытки изобретать какую-либо чистую, философскую философию, свободную от конкретики. Не может быть абстрактной мудрости. Мудрость может быть только конкретной.

Могут сказать, что математики - мудрецы на ниве абстракций. Но именно поэтому, люди в сложных ситуациях предпочитают обращаться к психологам, к Ванге, но не к математикам. Обсуждать общественные проблемы с чистым математиком, это почти то же самое, что обсуждать амурные проблемы с логарифмической линейкой или калькулятором. В эти технические средства и заложено, практически, все, что данная наука знает о жизни. Поэтому, например, Сахаров, первую половину жизни провел, получая Сталинские премии, а во вторую половину своей жизни, он получал антисоветские премии, которые тоже поддавались и десятичной, и двоичной системам обсчета.

Мудрец - категория древняя, как и аксакал, но ни в одной из предшествовавшей коммунизму формации, общественная практика не была связана с мудростью, т.е. с философией. Общественная практика довольствовалась **ИНТЕРЕСАМИ**, в лучшем случае, осуществлялась или как бог на душу положит, или, полагаясь на авось. Наиболее усидчивые мыслители пытались законы мудрости сформулировать независимо от практики, т.е. метафизически. Но невозможно, абстрагируясь от конкретики коммунизма, создать коммунистическую философию.

По мере развития диаматического мышления, от Аристотеля к Декарту, в котором все точ-

ные науки являлись лишь её частными случаями, отдельные мудрые решения, фиксируясь в общественном теоретическом сознании, постепенно, пофрагментно соединяясь с широкой общественной практикой, доказывали посюсторонность, могущество логического мышления, построенного на причинно-следственных связях объективного бытия.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ известное изречение, величайшего мастера диаматического мышления, Ленина, о том, что нравственным является только то, что служит делу коммунизма, придется признать, что подлинно мудростью является только то, что служит делу построения коммунистического общества. Иными словами, невозможно создать диаматику, в какой-либо степени свободную от практики построения коммунизма. Точно так, невозможно построить коммунизм, если в его теоретическую основу не заложить диаматическое мышление, носителями которого **ОБЯЗАНЫ** быть люди, взявшие себе название коммунист.

Невозможно построить капитализм, руководствуясь диаматической логикой, но, если владеть и руководствоваться диаматически логикой, то невозможно не построить коммунизм.

Уже в конце девятнадцатого века Энгельс пришел к выводу, что, с созданием диалектики, тем более, материалистической, традиционная философия завершила своё развитие, т.е. диалектика явилась отрицанием всех предыдущих вариантов того, что считалось философией. Своими трудами в области исследования диалектической логики, Гегель, более продуктивно, чем, даже, Фейербах, привел философию к завершению истории своего развития, вплотную подведя её к материалистическому пониманию законов творящего мышления. Маркс поставил диалектику Гегеля «на ноги», показав, на примере «Капитала», образцы диалектико-материалистического мышления, **С ПОМОЩЬЮ КАТЕГОРИЙ** этого метода мышления. С этого момента научное объяснение бытия стало возможно только при помощи диаматического подхода. Иначе говоря, в отрыве друг от друга ни категории диалектики, ни категории материализма не обладают самостоятельной разрешающей способностью. В этом их тождество, единство и их же борьба, обеспечивающая прогресс общественному бытию в сторону коммунизма.

ОСОЗНАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕХОДА К КОММУНИЗМУ

Александр ИВАНОВ

Оседлать стихию, причём самым простецким образом, - вот какой подход в основном царствует в среде людей, претендующих на звание марксистов. Отсюда проистекает и тактика возбуждения протеста, тактика жиденьких обличений режима, вплоть до скатывания в выгребную яму самых банальных буржуазно-демократических требований: «честных» выборов, «реальной» свободы слова, «борьбы» с коррупцией и другой удалцовщины.

Кое-какая теоретическая работа в партиях с коммунистическими названиями и левых группах ведётся. Идут некоторые обсуждения. Правда, в основном даже не обсуждения, а перемол старых оппортунистических положений по партийной разнарядке и «ошеломляющие открытия» в виде путаных изложений различных работ Троцкого и его последователей. Теоретическая борьба же в партиях отдана на откуп левой профессуре - РУСО, «красным» профессорам и другим кандидатам наук. Партийные бонзы в основном помалкивают или разъясняют по-рабочему то, что и так всем ясно.

При этом теоретический голод у левой молодёжи, рост которой набирает ход, естественно обостряется. Он утоляется в основном за счёт оппортунизма советских учебников, оппортунизма современных авторов и повального увлечения youtube-говориленей. Последнее, по нашему мнению, - настоящий бич наших дней. Подобно тому, как в компартиях 1990-х и 2000-х доминировала пыльная заседаловка политклубов, так сейчас с большим азартом снимают и смотрят бесконечные бестолковые пропагандистские ролики о якобы марксизме. На самом деле это помешательство на видео-формате, моду на ко-

торый ввёл, между прочим, Навальный, стало очередной отдушиной тем, кто по своей умственной лени не хочет засесть, как полагается с карандашом в руках, за изучение марксизма-ленинизма по первоисточникам. Ну а оппортунисты, конечно, резвятся вовсю, найдя новый способ идейного паразитирования путём самолюбования.

Бесспорно, что прямое, искреннее устное общение авторитетного лица - лидера партии, идеолога - со сторонниками или с широкими массами реализовать с помощью современных технологий стало гораздо проще. Речь не о том, что прямой контакт сам по себе вреден, наоборот, практика показала продуктивность простого разговора вождей, например, того же Чавеса, с народом через его легендарную телепередачу «Alo, Presidente». Здесь же получается подмена теоретической работы новым форматом говорильни. Сегодня отсутствует потребность разъяснения партийных лозунгов агитации и такого рода завоевания народных симпатий.

Теоретическая марксистская культура в КПСС, которую расстроил своими диверсиями Хрущёв, замариновали Сулов с Брежневым и окончательно подорвали горбачёвцы, не возродилась ни починами Андреевой в ВКП(б), ни желанием Тюлькина в РКРП, ни усилием Хабаровой в её экстравагантном движении, ни тем более сизифовым трудом энтузиастов в КИРФ. Работа марксистской мысли естественным образом, то есть стихийно, сызнова формируется в молодёжной среде.

Досадно, но этот процесс протекает в форме легкомысленных увлечений, в форме по сути хобби.

И пока только издатели журнала «Прорыв» призывают не просто к активизации идеологи-

ческой работы, не просто к серьёзному и непрерывному самообразованию, не просто к упору на теоретическую форму классовой борьбы, но, обращаясь персонально к каждому читателю с разложенными по полочкам доказательствами, призывают к овладению именно диалатической методологией. При этом подчёркивая и сложность поставленной задачи и трудоёмкость её исполнения и змеевидность пути постижения любой истины. Овладеть марксизмом в той степени, в какой это необходимо для решения насущных всемирных политических и экономических, кадровых и организационных задач, то есть овладеть как следует - вот как поставлен вопрос практикой контрреволюции.

История коммунистического движения доказала, что разрешающей способностью обладают не «основы», не «стороны», не «лучшие части», а только сама целиком марксистско-ленинская наука. И не в виде «коллективного разума», «классового инстинкта», проявляющихся в демократических процедурах, а как становление настоящего коммуниста, формирование конкретной личности, преданного делу марксиста.

Чем больше в партии личностей, вполне владеющих диалатической методологией, тем с большим напором идёт борьба и главное: тем она победоносней. При этом успехи в классовой борьбе пропорциональны, прежде всего, темпам развития марксистской теории, что как раз и обеспечивается методологической грамотностью кадрового состава авангардной партии.

Предлагается подходить к получению высочайшего звания коммуниста серьёзно, коммунист - человек овладевший, а не бесконечно овладающий, марксизмом, решительное участие в классовой борьбе которого привело к конкретным осязаемым победам на выверенном пути перехода общества от капитализма к коммунизму. Коммунистическая работа - это действия, отвечающие объективным законам развития общества, производимые на основе точного учёта конкретно-исторических условий, в т.ч. имеющихся в распоряжении сил и средств, иными словами, это привнесение в различных формах научно-теоретической компетентности в общественную практику, прежде всего, в политическую борьбу рабочего класса. Коммунист, стало быть, - это человек, который интеллектуально и нравственно отвечает объективным требованиям данной работы.

На практике же становление коммуниста всеми левыми сведено к формуле КПРФ:

«Если вы - совершеннолетний, не

состоите в другой партии, разделяете программу и признаёте её устав, равнодушны к судьбе нашей Родины и считаете капитализм несправедливым устройством общества, если вы хотите бороться за коммунистические идеалы - вы можете стать коммунистом! ...На собрании происходит голосование по вашей кандидатуре, после этого вы становитесь полноправным коммунистом».

ясно, что с таким кадровым составом можно рассчитывать в лучшем случае на покорение парламентских трибун или на бесперспективные площадные пляски, но никак не на воспитание масс, внесение организованности в пролетарское движение и построение коммунизма. Да и вопрос о том, что такое коммунизм, какова конкретно стратегическая цель борьбы всех современных левых, задаётся непростительно редко. Старогвардейцы, такие как Ермалавичюс, периодически закидывают на страницы «Правды» мыслишки о коммунизме, но очень скромно и крайне сдержанно, в основном нетворчески. Левые всё ещё стесняются говорить собственно о коммунизме, предпочитая «бескомпромиссную» борьбу с Путиным.

В связи с обозначенным ещё более ясна акцентированность на том, что между качеством самостоятельной, повседневной работы каждого конкретного читателя и временем возникновения перспективной для коммунизма ситуации, когда вчера ещё рано, а завтра уже поздно, имеется прямая взаимосвязь.

Принимая во внимание несостоятельность сложившейся практики формирования коммунистов, критически низкий потенциал прививания собственно научного мировоззрения в этом деле, следует признать, что в интеллигентной среде пролетариата отсутствует осознание необходимости Коммунистической революции. Марксистское движение России, вслед за оппортунистической переориентировкой самой КПСС, из которой оно и возникло, продолжает стоять на порочных рельсах приспособленчества. В нашем случае, в политическом плане - преимущественно в виде экономизма, активизма и парламентского кретинизма. В организационном плане - в виде демократизма. В кадровом плане - в виде кустарщины, тусовочности, компанейщины и отношения к партийной работе как к своего рода досугу.

Следует понимать, что «левое движение» и его составная часть, признающая в качестве руководящей теории марксизм, «марксистское дви-

жение», представляет собой некую направленность воли известного круга лиц, в практическом смысле выраженную в виде, главным образом, организационной работы и пропаганды. Таким образом, ведя речь о выправлении ситуации и формировании сообщества единомышленников, отвечающего объективным требованиям коммунизма, невозможно представить изменение всей совокупности или даже большинства левых или тех левых, которые именуют себя марксистами. Вопрос стоит о том, чтобы выявить наиболее адекватные элементы в этой среде и посредством развёрнутой пропаганды включать в нашу работу новых людей. Причём второе более перспективно, так как учить и воспитывать значительно легче, чем переучивать и перевоспитывать.

Стало быть, для выправления ситуации и формирования сообщества единомышленников, отвечающего объективным требованиям коммунизма, предлагается мобилизация усилий на базе признания приоритета теоретической формы классовой борьбы и выстраивания самообразования.

Так или иначе, и теоретическая работа, и самообразование могут быть действительно мотивированы исключительно осознанием необходимости в них. И здесь, наряду с психологическими предпосылками антиспекулятивного мышления и развитой совести, обозначенными в статье «Отправить мысль в научный полёт»¹, ключевую роль играет именно методология.

Одна из проблем современного коммунистического движения состоит в том, что пока представители, претендующие на роль авангарда рабочего класса, не начнут штурм вершин диалектической методологии, победы не придут точно. Ибо, как известно, *«кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы»*.

Методология и есть то предельно общее основание, без которого все частные вопросы запутываются и деятельность обрекается на беспринципные шатания.

Энгельс писал, что история философии есть по сути история теоретической мысли и пока что не выработано лучшего способа научиться мыслить, чем её изучение. Бессчётное множество раз в своих публикациях журнал «Прорыв» призывал к штудированию «Науки логики» Гегеля. В данной книге заслуживает внимание именно вездесловность методологии великого идеалиста, то как он разворачивает фундаментальные фило-

софские категории и в какой взаимной связи.

Только вооружившись научной логикой осмысления всеобщего, марксист получает инструмент, избавляющий от путаницы при решении частных и единичных теоретических проблем и практических задач. Именно за счёт безупречной методологической грамотности Ленин и Сталин в ходе непрерывной творческой теоретической работы решили все основные практические задачи коммунизма в СССР в первой половине XX в.

Таким образом, марксизм - это не набор частных истин, не поваренная книга, как его подают в левой среде, а система взаимоподтверждающих истин, взаимосвязь построения которых - от истин по поводу наиболее общих оснований бытия к истинам, охватывающим всё более частные объективные законы.

Да, ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, ни Сталин не оставили комплексного монолитного труда по методологии. Известно, что Маркс планировал написать книгу под названием «Диалектика», Ленин не успел этого сделать из-за покушения, а Сталин своим почином в виде «Краткого курса» заложил некоторое основание, попытался создать традицию изложения сначала теоретических основ большевизма, а затем и методологии. Сталинский почин - это знаменитый раздел под названием «Диалектический и исторический материализм».

Сегодня перед марксистами по-прежнему стоит эта задача и её актуальность стала даже выше, потому что опыт коммунизма СССР необходимо переработать, чтобы извлечь из него логику большевистских побед. А, во-первых, это можно сделать, исключительно овладев методологией, а во-вторых, было бы куда эффективнее с пропагандистской точки зрения это сделать параллельно с изложением методологии познания этой логики, так как в наших условиях пропаганда должна становиться всё более теоретической.

Путь овладения диалектикой как научной методологией как правило представлен штудированием, с отбрасыванием мистики, «Науки логики» Гегеля и всех основных теоретических работ классиков марксизма с увязыванием наиболее общих положений этих работ друг с другом. Особенно «Капитала» Маркса, «Антидюринга» и «Диалектики природы» Энгельса, «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина и указанной выше главы Сталина. Но это «как правило». На самом деле, в любой крупной работе классиков марксизма опосредованно содержится изложение «логики, диалектики и теории

познания [не надо 3-х слов: это одно и то же]» (Ленин). Необходимо лишь изучать труды гениев с должным упорством и необходимой добросовестностью.

Пока же на месте марксистско-ленинской методологической подкованности у левых зияют дыры позитивизма, рационализма, прагматизма. Стало быть, и признание необходимости коммунистической борьбы в основном декларируется на словах и обосновывается не научно-теоретически, а эмоционально.

Сложность переживаемого момента в нашей стране состоит в том числе и в том, что практика обличения капитализма как составная часть коммунистической пропаганды в значительной степени утратила свою актуальность. Во-первых, большинству более-менее активных людей и так ясно, что окружающее капиталистическое бытие ужасно, катастрофично и пронизано эксплуатацией. Во-вторых, если раньше только мелкобуржуазные политики активно апеллировали к социальной проблематике, мешая коммунистической пропаганде, то теперь абсолютно все политические силы, даже самые консервативные проолигархические партии и политики, неустанно галдят о материальном положении широких народных масс как чуть ли не главной своей цели. Таким образом, в процессе завоевания сторонников практический упор в значительной степени смещается в сторону глубокой теоретической пропаганды, в сторону развёрнутого и обстоятельного научного доказательства причин всех социальных катаклизмов капитализма и представление обоснованной марксистской альтернативы с развёрнутым планом конкретных действий по завоеванию политической власти рабочим классом и строительству коммунизма. Грубо говоря, нам необходимо в наших условиях превзойти по значению работу Ленина «Государство и революция» для условий 1917 года.

А мы, в левой пропаганде в основном имеем перечисление фактов из жизни капиталистического общества и охи-вздохи о необходимости активизации пролетарского движения и возрождения СССР. Можно сказать, что в абсолютном большинстве случаев левая пропаганда, и даже

та её часть, которая называет себя коммунистической, чуть более грамотными выражениями повторяет то, что и так думает более менее политически развитый пролетарий. А значит, остаётся напирать на эмоции.

Отсюда следует, что и формирование интереса к марксизму часто происходит больше эмоционально. И это не плохо, в таком деле все средства хороши. Плохо другое, что после первичного случайного зарождения интереса к марксизму, его «развитие» идёт дальше по пути увеличения напора эмоционального обличения мерзостей капитализма и ностальгии по СССР. Таким образом, мы получаем не осознание необходимости коммунизма, а мелкобуржуазную оппозиционность, протестность, а часто и безмозглый активизм.

Когда же политическое сознание человека начинает логически увязывать предельно общие философские категории, такие как «бытие», «пространство», «время», «материя», с частными политическими вопросами, т. е. когда обоснованность стратегических вопросов в политике уходит корнями в материалистическое понимание общества, а оно, в свою очередь, является продуктом применения диалектики к истории, то интеллектуальная направляющая, эмоциональная составляющая и волевое начало постепенно гармонично сцепляются в сознании. Так, конкретные вопросы - что такое коммунизм? в чём сущность коммунистической борьбы на данном этапе? что делать мне в таком случае? - получают научное разрешение, что и становится мощнейшим мотиватором личности в борьбе.

Маркс писал, что *«идеи, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения, к которым разум приковывает нашу совесть, - это узлы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им»*.

Если эти «идеи» выстроены на строгой диалектической основе, т. е. составляют марксистско-ленинское учение, при этом неспекулятивно, совестливо усвоены, то «демоном» становится как раз осознание объективной необходимости перехода общества от капитализма к коммунизму.

Март 2018

ОПЫТ КРИТИКИ АНТИНАУЧНОЙ ФАКТОЛОГИИ ЛИБЕРАЛИЗМА

Часть 7¹.

«МОСКОВСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

Николай ФЕДОТОВ

Очередной антисоветский миф заключается в том, что Сталин уничтожил «ленинскую гвардию», а для того, чтоб опорочить «соратников Ленина», инициировал публичные судебные процессы. Процессы эти, якобы, были полностью фальсифицированы, показания от подсудимых были получены при помощи пыток и угроз, никаких преступлений они не совершали, а расстреляны были потому, что «Сталин не терпел инакомыслия». Надо сказать, что данный миф - изобретение вовсе не буржуазных борзописцев, а хрущевских оппортунистов и троцкистов.

Марксистский диалектический метод отличается от буржуазных тем, что рассматривает частные явления (то есть те или иные события) как проявление действия законов общественно-го развития. Это чрезвычайно важно в условиях, когда большой объем эмпирических данных скрыт от исследователя, а то и вовсе уничтожен, и требуется в условиях дефицита таких данных получить верное представление о том или ином периоде или событии.

Вот и остановимся, для начала, именно на таких, наиболее общих моментах, которые в дальнейшем помогут нам установить истину по вопросу о «московских судебных процессах».

Итак, **первое**. «Ленинскую гвардию» или «ленинские кадры», которые, якобы, избивал Сталин, придумал Хрущев. На самом же деле, у большевиков с грамотными марксистами, освоившими материалистическую диалектику на высоком уровне, было туго. Под руководством Ленина в ЦК большевистской партии состояли и откровенно оппортунистические элементы, вроде Троцкого, Зиновьева, Каменева и пр. Сам факт, что их деятельность в период Октябрьской революции и Гражданской войны направлялась Лениным, не превращает их в «ленинские кадры». Тем более, что даже под ленинским руководством Каменев с Зиновьевым обнародовали план большевистского переворота, а Троцкий предательски оттягивал заключение Брестского мира. Только безошибочность ленинских решений и страх за свою шкуру (ибо белые повесили бы всех скопом) заставляли этих господ отказаться от еще более активного противодействия ленинской платформе. Однако уже после смерти Ленина вся эта публика при помощи формально-демократических процедур попыталась протащить оппортунистическую линию. Большого труда стоило Сталину разгромить все эти правые и левые платформы сначала теоретически,

1. Первую часть статьи Н. Федотова «Антинаучная методология либерализма. Доклад «о культе личности и его последствиях»: ложь мирового масштаба» читайте в «Прорыве» №1 (47) 2016 (http://proriv.ru/articles.shtml/fedotov?vs_khrusch). Вторая, третья и четвертая части, представляющие собой исследование либеральной лжи по поводу проблем коллективизации, помещены в «Прорыве» №5 (51) 2016 (http://proriv.ru/articles.shtml/fedotov?doc_golod), №1 (52) 2017 (http://proriv.ru/articles.shtml/fedotov?doc_golod_2) и №2 (53) 2017 (http://proriv.ru/articles.shtml/fedotov?doc_golod_3). В пятой и шестой части начато исследование мифа о «сталинских репрессиях» №4 (55) 2017 (http://proriv.ru/articles.shtml/fedotov?doc_repres) и №1 (57) 2018 (http://proriv.ru/articles.shtml/fedotov?doc_repres-2).

а потом и структурно, то есть вычистить оппортунистов из партии.

Ленинскими кадрами можно считать лишь тех, кто мыслил по-ленински, то есть владел марксистской диалектикой на ленинском уровне. Тех же, кто в разное время примыкал то к одним, то к другим оппортунистическим течениям, нет никаких оснований считать ленинскими кадрами.

Второе. Оппортунизм нельзя рассматривать просто как «другое мнение на построение коммунизма». Надо понимать, что истина конкретна, поэтому в данных условиях не может быть никаких двух или нескольких одинаково верных путей построения коммунизма. Определение верного пути - научная задача, имеющая лишь одно решение. И если это верное решение найдено, то отстаивание некоего «альтернативного взгляда», использование демократических процедур, вроде дискуссий, для пропаганды своего мнения - это игра в буржуазные ворота. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин не просто в силу своей научно-теоретической безграмотности и бессовестности не поняли верности сталинской линии, но, будучи разгромлены теоретически, продолжали свои ошибочные (то есть ведущие к поражению коммунизма, оппортунистические) взгляды пропагандировать.

Правда, тактика у оппортунистов была разной. Троцкий пошел по пути открытой борьбы со Сталиным, открыто пропагандировал необходимость отстранения Сталина от власти и вел в международном масштабе работу по расколу мирового коммунистического движения. В то же время, троцкисты не отказывались и от подпольной работы в СССР. Зиновьевцы и бухаринцы же пошли по пути двурушничества. То есть формально признали свои ошибки, добились восстановления в партии, но от борьбы со сталинской линией не отказались.

Историческая практика показывает, что, пожалуй, нет той подлости, на которую не пошли бы оппортунисты в ходе борьбы с коммунистическим движением. И поскольку усиление классовой борьбы по мере роста успехов коммунистического строительства есть объективный закон, постольку оппортунисты, как агентура буржуазии в коммунистическом движении, все меньше и меньше разборчива в средствах борьбы за интересы капитала.

Третье. Всех оппортунистов отличает беспринципность. Не бывает принципиальных оппортунистов. Тот же Троцкий, который, боролся с Лениным до революции, без зазрения совести

вступил в большевистскую партию в самый канун революции, но продолжал вредить Ленину. После смерти Ленина он активно противодействовал ленинской линии, проводимой уже Сталиным. А после окончательного размежевания с ВКП(б), в эмиграции, объявил себя лидером «большевиков-ленинцев». Зиновьев так и вовсе, то Троцкого поддерживал, то Сталина, то опять Троцкого по разным вопросам. Нет развитого научного мировоззрения - нет принципов, зато есть непомерные амбиции и жажда власти. Вполне естественно, что вокруг «оппозиционеров» группировалась и соответствующая публика - наиболее невежественная, подлая и беспринципная, затаившая обиду, готовая на любые пакости, ради мести.

Вот и спрашивается, представляли ли эти люди питательную среду для иностранных разведок? Да, безусловно. Могли ли быть у этой беспринципной публики некие принципы, которые бы, к примеру, исключали возможность применения террора как метода борьбы? Вряд ли. Хватило бы этим господам беспринципности, чтоб одновременно восхвалять Сталина и гадить в хозяйственных вопросах, дабы обеспечить провал сталинской индустриализации и коллективизации? Хватило бы.

Четвертое. Хрущевско-троцкистская версия, подхваченная буржуазией, содержит в себе серьезное противоречие. Если троцкисты-зиновьевцы-бухаринцы были полностью разгромлены еще в конце 20-х годов, а в начале 30-х многие из них были восстановлены в партии и назначены на довольно значимые посты, где работали вполне честно, то какой смысл обрушивать на них репрессии? Рациональных объяснений этому данная версия не дает. Вот что Хрущев сообщил на XX съезде:

«Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в разгар ожесточенной идейной борьбы против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других к ним не применялись крайние репрессивные меры. Борьба велась на идейной основе. Но через несколько лет, когда социализм был уже в основном построен в нашей стране, когда были в основном ликвидированы эксплуататорские классы, когда коренным образом изменилась социальная структура советского общества, резко сократилась социальная база для враждебных партий, политических течений и групп, когда идейные противники партии были политически давно уже разгромлены,

против них начались репрессии».

Ну и вдобавок обвиняет Сталина в нетерпимости к инакомыслию и коллегиальности. То есть получается, что репрессии на них обрушились потому, что Сталин - «плохой». Это, конечно, чёрти что, а не научный подход...

Зачем репрессировать тех, кто сопротивление прекратил? В буржуазной историографии преобладает версия, что Сталин «уничтожал инакомыслящих» для «укрепления своей власти». Поймите! Но тогда получается, что эти инакомыслящие все же были, причем несмотря на то, что их разгромили теоретически. Более того, это инакомыслие имело то или иное проявление. Ведь у органов НКВД не было миелофона, чтоб с точностью определить, кто мыслит «инако», а кто нет. Да и нет решительно никаких рациональных причин репрессировать тех, у кого это «инако» идет не дальше мыслей. Тогда надо ответить на вопрос, в чем же все-таки проявлялось, к примеру, инакомыслие троцкистов и зиновьевцев, чтоб можно было установить меру общественной опасности их деяний.

Есть, конечно, еще и вариант, что, на самом деле, никаких «инакомыслящих» не было, а все бывшие политические противники сталинского курса, действительно, признали его верность и честно трудились во благо коммунизма. Тогда получается, что кто-то все эти обвинения против них выдумал. Но тогда остается открытым вопрос мотива. То есть, зачем и кем это было сделано? Учитывая не очень хорошую ситуацию с кадрами в компартии, неужели те же Зиновьев, Каменев, Бухарин и другие не пригодились бы на ответственных постах, коли уж они реально и честно отказались от своих взглядов и борьбы с партийной линией? Если кому и был смысл фабриковать дела, фальсифицировать доказательства и делать преступников из невиновных людей, честных коммунистов, так никак не советской власти, а, наоборот, ее врагам.

Но буржуазные борзописцы парируют. Дескать, Сталин намеренно записал троцкистов-зиновьевцев-бухаринцев в террористы, чтоб запугать все общество и, в особенности, партийные массы и повысить ответственность за любое высказываемое недовольство. Но тут буржуазные «историки» судят о коммунизме со своей буржуазной колокольни. Ведь подобные приемы как раз неоднократно в истории использовались и продолжают использоваться эксплуататорскими классами для реализации своих целей.

Марксисты, конечно, тоже не могут принци-

пиально отрицать террор как инструмент подавления эксплуататоров, но применение террора коммунистами должно быть обосновано научно. И, на самом деле, это инструмент лишь для чрезвычайных условий, в которых находилась, к примеру, молодая советская республика в Гражданскую войну, когда террор широко использовался эксплуататорами. Но тут-то сталинское руководство обвиняют в том, что оно зачем-то развязало террор безо всякого обоснования, просто так, из «природной кровожадности». Понятно, зачем было создавать атмосферу страха в среде эксплуататоров в Гражданскую войну. Но зачем создавать такую атмосферу в обществе, которое строит коммунизм, и в среде коммунистов, которые этим строительством руководят? Понятно, что нужно выявлять и наказывать врагов, которые делу коммунизма вредят. Но давать отмашку массово фальсифицировать дела, делать «террористов» из тех, кто ими не является, выдумывать «центры» там, где их не было, с целью создать в обществе «атмосферу страха» - это все расходится с интересами построения коммунизма.

Таким образом, получается, что либо троцкисты-зиновьевцы-бухаринцы все же вредили строительству коммунизма и были наказаны справедливо, либо не вредили, и их наказали несправедливо, но тогда фальсификация дел была делом рук врагов коммунизма.

Пятое. Согласно все той же хрущевско-троцкистско-буржуазной версии, подсудимые на открытых процессах дали показания против себя под воздействием пыток и иных незаконных приемов психологического воздействия. Но, спрашивается, какой смысл делать в таком случае судебные процессы публичными? Ведь всегда существует вероятность, что кто-то из подсудимых открыто расскажет об этих пытках на весь мир, в присутствии не только советских, но и иностранных журналистов. Если принять версию о фальсифицированных доказательствах, то отказ от своих показаний любого из обвиняемых свел бы на нет весь «положительный» эффект от процесса. Очевидно, что об этом не могли не знать и все обвиняемые. Тем не менее, НИКТО из них от своих показаний не отказался и о применении пыток не заявил.

Мне, конечно, могут возразить, дескать, подсудимых могли и не пытать, а просто обманули, заставили сыграть определенные роли в обмен на сохранение жизни, а потом все же расстреляли. Позвольте, но ведь крупных процессов было

три. Если на первом организаторы процесса и могли воспользоваться таким методом, то как быть с последующими? Тогда придется признать подсудимых круглыми идиотами, которые постоянно клевали на одну и ту же приманку.

Шестое. До сих пор не опубликованы уголовные дела по всем подсудимым, а это, как минимум, десятки томов. Есть только материалы процессов, и то не все материалы и не по всем процессам. Что касается критики, то опубликован доклад так называемой «комиссии Шверника», занимавшейся проверкой данных дел в начале 60-х годов и, якобы, установившей их фальсифицированность. Однако сами материалы проверки дел, на которые есть масса ссылок в докладе Хрущева, не опубликованы до сих пор. Что примечательно, никаких юридических последствий доклад «комиссии Шверника» не имел. Абсолютно ВСЕ основные подсудимые не были даже реабилитированы вплоть до конца 80-х годов. Не говоря уже о том, что понятия «реабилитация» вообще не было ни в советском уголовном, ни в уголовно-процессуальном законодательстве. Зато была прописана процедура отмены приговора через суд. Так вот приговоры эти отменены так и не были. А «реабилитация» в конце 80-х годов была проведена указом Президиума Верховного Совета (состоящего практически поголовно из тех самых оппортунистов), то есть даже не судебным органом. Хотя, казалось бы, если имелись юридически достоверные доказательства фальсификации дел, то были все основания отменять приговоры и, более того, начинать уголовное производство по фальсификаторам (если причастные к этому еще оставались в живых, конечно).

Седьмое. Историки-антикоммунисты одним из основных аргументов в пользу фальсифицированности московских процессов называют отсутствие или минимальное количество вещдоков и других объективных доказательств, предъявленных в судебном заседании. Они утверждают, будто бы все обвинение было построено исключительно на показаниях обвиняемых против себя и других. Однако, в силу специфики дел о заговорах, вещественных доказательств может и вовсе не быть, а показания участников приобретают исключительно важное значение. Вот что по этому поводу писал Вышинский:

«Нельзя требовать, чтобы в делах

*о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с точки зрения того - дайте нам протоколы, постановления, дайте членские книжки, дайте номера ваших членских билетов; нельзя требовать, чтобы заговорщики совершали заговор по удостоверению их преступной деятельности в нотариальном порядке. Ни один здравомыслящий человек не может так ставить вопрос в делах о государственном заговоре. Да, у нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинение на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей и, если хотите, косвенных улик».*²

Восьмое. Касательно «безобидности» троцкистской оппозиции и, якобы, беспочвенности обвинений в призывах к свержению «сталинского режима». Здесь можно обратиться к самому Троцкому, который еще в 1933 году в «Бюллетени оппозиции» писал:

*«Для устранения правящей клики не осталось никаких нормальных, «конституционных» путей. Заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда можно только силой. (...) При переходе пролетариата в активность, сталинский аппарат повиснет в воздухе. Если он все же попытается сопротивляться, придется применить против него не меры гражданской войны, а скорее меры полицейского порядка. Дело будет идти, во всяком случае, не о восстании против диктатуры пролетариата, а об устранении злокачественного нароста на ней».*³

Как мы видим, Троцкий здесь говорит о необходимости насильственного свержения «сталинского режима». Про террор, конечно, ни слова. Но террор, вредительство, саботаж - есть всего лишь формы «борьбы с режимом». Нет абсолютно ничего необычного в том, что сторонники троцкизма в СССР могли воспринять данные слова своего лидера как призыв к террору против представителей «бюрократии».

Стоит отметить, что, хотя Троцкий и отри-

2. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С.126.

3. Троцкий Л.Д. «ВОЗМОЖНО ЛИ «МИРНОЕ» СНЯТИЕ БЮРОКРАТИИ?» Бюллетень оппозиции № 36-37 (октябрь 1933) http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_36-37/BO-0376011.html

цал свою связь с подсудимыми на всех трех процессах, но, тем не менее, в противовес «сталинской бюрократии» считал их «революционерами»:

*«В рабочих организациях, на собраниях, в печати надо поднять и поддержать требование посылки в СССР беспристрастной, авторитетной для всех комиссии с целью расследования действительных причин ужасающих репрессий бюрократии над революционерами, как троцкистами и зиновьевцами, так и представителями других течений».*⁴

Отсюда, кстати, следует и готовность троцкистов к совместным действиям с любой «оппозицией», главное, чтоб против Сталина. Как мы видим, Троцкий не отрицает, что зиновьевцы выступали против Сталина. Это снова расходится с хрущевской версией, будто они были политически разгромлены и никакой «оппозиционной» работы не вели. Троцкий не отрицает, что вели, но отрицает, что под его руководством.

Девятое. Следствие по всем делам вели органы НКВД, а не Политбюро и лично Сталин. Все выводы о троцкистском подполье, которые нашли отражение в постановлениях и письмах Политбюро, были основаны как раз на данных, полученных от НКВД. Но в органах НКВД ситуация с кадрами была не лучше, чем в самой партии. Как

показала практика, двое руководителей НКВД (Ягода и Ежов) были осуждены и расстреляны за вполне конкретные преступления. Но Ягода и Ежов - это только «верхушка айсберга». Достаточно врагов оказалось и на низовых должностях, а фальсификация дел кое-где была поставлена на конвейер. Правда, все это выяснилось только в 1939-1940 гг. Надо понимать, что следствие по делам подсудимых на «московских процессах» вел НКВД, довольно сильно загрязненный вредителями на самых разных уровнях. Этот

факт ни в коей мере не превращает всю работу НКВД во вредительскую, но свидетельствует о том, что вредительство могло иметь место. В том числе, такое, которое могло ввести в заблуждение и прокуратуру, и суд.

Итак, обратимся к доступным нам материалам и попытаемся разобраться, были ли подсудимые виновны в совершении тех преступлений, в которых они обвинялись.

ПРОЦЕСС «АНТИСОВЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕННОГО ТРОЦКИСТСКО- ЗИНОВЬЕВСКОГО ЦЕНТРА». ПРЕДЫСТОРИЯ: УБИЙСТВО КИРОВА

И.В. Сталин и С.М. Киров

Итак, первым из «московских процессов» принято считать процесс против зиновьевцев, которые были обвинены в убийстве Кирова. Для начала обратимся к предыстории вопроса. Кто такой Зиновьев и какова его роль в коммунистическом движении?

Зиновьев - член РСДРП с 1901 года, в 1903 г примкнул к большевикам, в 1907 г избран в ЦК. Однако как только «запахло жареным», то есть подготовкой Октябрьской революции, на пару с Каменевым выступил против резолюции о вооруженном восстании. Причем не просто выступил на заседании ЦК, а опубликовал в меньшевистской газете информацию о подготовке восстания. Ленин тогда назвал это предательством. Однако ни из ЦК, ни из партии, несмотря на это, исключены они не были. Вовсе не потому, что Ленин был терпим к инакомыслию, а потому что кадровый вопрос стоял очень остро у больше-

4. Троцкий Л.Д. Архив в 9 томах: Том 8. http://lib.ru/TROCKIJ/Arhiv_Trotskogo_t8.txt

виков, а на носу революция. Поэтому приходилось прощать даже откровенно предательские выходы.

Практика, правда, показала, что данная выходка была только началом. Когда через несколько дней после революции забастовали руководимые реакционным профсоюзом железнодорожники и выдвинули требование формирования широкого коалиционного правительства из представителей всех левых партий, но без участия Ленина, Зиновьев и Каменев выступили за выполнение этого требования. А когда, по инициативе Ленина, переговоры с профсоюзниками были прерваны и их требования отклонены, Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин и Милютин в знак протеста вышли из ЦК. Тогда Ленин назвал эту выходку дезертирством.

Тем не менее, вскоре Зиновьев продолжил работу на ответственной должности председателя Петроградского Совета. Но и здесь он продолжал гадить Ленину. То выступит против «красного террора», то против переноса столицы в Москву. Уже тогда, в революционные годы, проявилось такое качество Зиновьева, как неспособность к самокритике и упорное отстаивание ложных взглядов.

После смерти Ленина он оказался в оппозиции уже к сталинскому руководству. Так, в 1925 году на 14 съезде партии зиновьевцы выступили с альтернативным планом индустриализации, который был разгромлен как капитулянтский. Решением съезда был поддержан сталинский план. Однако зиновьевцы дошли до того, что призвали ленинградский комсомол не выполнять решения съезда. Очевидно, что это было грубейшим нарушением партийной дисциплины. Признав на словах свои ошибки, зиновьевцы совместно с троцкистами все же продолжили антипартийную, фракционную работу и дошли до того, что создали нелегальную типографию.

То есть, несмотря на словесное признание своих ошибок и формальное подчинение всем резолюциям, троцкисты-зиновьевцы весь 1926 и 1927 год вели работу по формированию оппозиции. В мае 1927 года они выступили с заявлением «платформы 83-х», в котором критиковалась позиция ЦК по вопросу о китайской революции. 7 ноября 1927 года троцкисты-зиновьевцы организовали альтернативные демонстрации под оппозиционными лозунгами. Это послужило последней каплей, и через неделю Троцкий и Зиновьев были исключены из партии постановлением ЦК и ЦКК, а 15 съезд партии признал троцкист-

ско-зиновьевскую оппозицию антисоветской.

В скором времени, однако, Зиновьев и его сторонники стали подавать в партию заявления о разрыве с троцкизмом и просить восстановить их в партии. Обратный прием был допущен при соблюдении ряда условий: открытое осуждение троцкизма, открытое признание верности политики партии, подчинение решениям партии и ее органов, прохождение испытательного срока. Большинство зиновьевцев приняли эти условия и в скором времени были восстановлены в партии.

И здесь надо обратить внимание на несколько важных моментов.

Во-первых, Зиновьев и Ко, несмотря на наличие серьезных разногласий, не торопились покидать ее ряды. То есть принципиальностью эти господа не отличались, да и никакой научной платформы у них не было. Они предпочитали гадить партии изнутри постоянным критиканством и призывами к дискуссии.

Во-вторых, гадить они предпочитали втихую, признавая на словах верность партийных решений, тем самым не давая повода для исключения из партии.

В-третьих, никакие теоретические разгромы не мешали троцкистам-зиновьевцам вести антипартийную работу и не способствовали изменению их взглядов. Лишь только тогда, когда против них были приняты административные меры в виде исключения из партии, зиновьевцы быстро «переобулись» и признали свои ошибки.

Странно, не правда ли? До исключения партия неоднократно пыталась перевоспитать зиновьевцев, доказывала неверность их взглядов, но те лишь меняли формы оппозиционной работы. Осудил съезд - призвали к невыполнению решений съезда. Пригрозили им принятием мер за такие выходы - смирились, признали ошибки и... создали подпольную типографию, начали распространять свои материалы втихую. То есть от своей линии на антисоветскую работу они не отказывались и позиций своих не пересматривали. И тут вдруг, после исключения из партии, внезапно «прозрели» и дружно стали каяться. Это что ж за «добросовестность» такая, которая просыпается лишь после отбирания партбилета? Нет, не было в этих покаянных заявлениях ни капли искренности. Зато был голый расчет. Ведь вредить партии, проводить буржуазную линию, находясь вне партии, крайне затруднительно.

Тем не менее, восстановление зиновьевцев в партии все же было верным решением, поскольку

ку проявленная ими редкая беспринципность угробила остатки их авторитета. С другой стороны, было понятно, что вредить они будут продолжать. Оставалась непонятной лишь возможная глубина падения этих господ. Не имея влияния в массах, вполне логично, они должны были прийти к другим формам вредительства. Нет ни малейших оснований утверждать, что эти беспринципные деятели ни в коем случае не могли прийти к выводу о необходимости террористических методов борьбы.

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению судебных процессов по делам Зиновьева и его сторонников. Начнем с процесса над убийцей Кирова и связанной с ним группой оппозиционеров-зиновьевцев. Хотя он и не относится к «московским процессам», но его результаты очень важны для дальнейшего исследования вопроса.

Итак, 1 декабря 1934 года в Ленинграде был застрелен Киров. Убийца был пойман сразу, им оказался некий Леонид Николаев. Из доступных нам документов, касающихся расследования, наиболее масштабным является доклад комиссии Шверника. Без ссылок на этот доклад, без цитирования выводов этого доклада не обходится практически ни одно буржуазное исследование данной темы. Касательно убийства Кирова в докладе сообщается следующее:

*«По прибытии в Ленинград Сталин и приехавшие с ним члены комиссии ознакомились с некоторыми материалами следствия и допросили террориста Николаева. Им были доложены также оперативные материалы на лиц, ранее разрабатывавшихся органами НКВД по подозрению в террористической деятельности, дела оперативного учета на бывших троцкистов, зиновьевцев и участников других оппозиционных групп. Во всех этих материалах никаких данных о причастности Николаева к оппозиционным группировкам не было. Имелись лишь сведения о том, что ранее он был знаком, причем только по службе, с некоторыми активными в прошлом зиновьевцами».*⁵

Дело Николаева до сих пор засекречено, опубликованы лишь некоторые материалы. Но даже если верить Швернику на слово (а оснований верить на слово такому «большевику», который спокойно смотрел на «сталинское беззаконие» и ни разу против него не выступил, нет никаких),

то отсутствие у НКВД информации о причастности Николаева к зиновьевской оппозиции отнюдь не тождественно утверждению, что он реально к этой оппозиции не был причастен. Речь здесь идет лишь о том, что он никогда не разрабатывался органами НКВД ни как «зиновьевец», ни как возможный террорист. Но отметим, что связь с «активными зиновьевцами» все же была.

Однако авторы доклада пытаются сделать вывод, что связь Николаева с Зиновьевцами - выдумка Сталина.

«Несмотря на отсутствие материалов о связях Николаева с оппозицией, Сталин предложил работникам НКВД искать сообщников террориста Николаева среди зиновьевцев. О получении такой установки от Сталина говорил Ежов в выступлении на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году. Рассказывая о том, как проводилось следствие по делу об убийстве Кирова, Ежов заявил:

«Первое, - начал т. Сталин. Как сейчас помню, вызвал меня и Косарева и говорит: «Ищите убийц среди зиновьевцев». я должен сказать, что в это не верили чекисты и на всякий случай страховали себя еще кое-где и по другой линии, по линии иностранной - возможно там что-нибудь выскочит».

«Аргументация», конечно, «сильная». Вывод о некоем указании Сталина делается лишь на основании... слов Ежова. Хотя контекст и время сказанного Ежовым, скорее, говорит о том, что он «подлизнул» Сталину, намекая на его гениальную прозорливость.

Дальнейшие попытки обвинить Сталина в изначальной фальсификации дела столь же абсурдны.

«Возвратившись из Ленинграда, Сталин продолжал распространять выдвинутую им необоснованную версию. Он вызвал к себе редакторов газет «Правда» и «Известий» Мехлиса и Бухарина и объявил им, что Николаев является зиновьевцем. По этому поводу Бухарин, не будучи еще арестованным, в заявлении в ЦК ВКП(б) от 12 января 1937 года писал:

«я на второй, если не ошибаюсь, день знал о том, что Николаев - зиновьевец: и фамилию и зиновьевскую марку сообщил мне тов. Сталин, ког-

да вызвал в ПБ...»»

О какой «необоснованной версии» идет речь? Из того, что сообщается в докладе Шверника, никак нельзя сделать вывод, что у Сталина была некая версия убийства Кирова. Сталин констатировал лишь то, что Николаев - зиновьевец, то есть имел отношение к зиновьевской оппозиции. Он не утверждал что убийство организовал Зиновьев или зиновьевцы, поскольку следствие еще не началось. Речь идет исключительно про Николаева, относительно которого, видимо, у Сталина были сведения о принадлежности ранее к зиновьевцам.

Далее Шверник пытается представить дело таким образом, что органы НКВД по указанию Сталина начали абсолютно безосновательно притягивать зиновьевцев к организации убийства Кирова руками Николаева.

«Из материалов дела и проверки видно, что одним из поводов для ареста так называемых соучастников Николаева явился рапорт сотрудника НКВД Кацафы, охранявшего Николаева в тюремной камере. В этом рапорте, написанном 4 декабря 1934 года, он доложил Агранову, что Николаев во сне якобы произнес следующие слова:

«Если арестуют Котолынова, беспокоиться не надо, он человек волевой; а вот, если арестуют Шатского, - это мелюзга, он все выдаст»».

Хорошо, допустим, этот повод выглядит действительно абсурдно. Однако Шверник проговорился, что это всего лишь один из поводов. Значит, были и другие. Где они? Дело Николаева до сих пор засекречено. Но утверждать на основе одного абсурдного повода, что все остальные были тоже абсурдны, нельзя.

«Несмотря на явную нелепость и бессмысленность как этих слов, так и самого рапорта, Агранов немедленно по телеграфу доложил Сталину, что «агентурным» путем установлены «лучшие друзья» Николаева - бывший троцкист Котолынов и бывший анархист Шатский, «от которых он многому научился»»

Снова врёт Шверник. Что значит «нелепость и бессмысленность»? Конечно, если рапорт был единственным доказательством связи Николаева с Котолыновым и Шатским, то да, это нелепость. Но если рапорт был одним из оснований, а во сне Николаев проболтался о том, о чем, к

примеру, говорил на следствии, то рапорт как раз уже отнюдь не лишен смысла, а является дополнительным косвенным доказательством.

И далее:

«Вскоре Котолынов и Шатский, являвшиеся в действительности бывшими зиновьевцами, были арестованы, а от Николаева получены показания о том, что связь с этими лицами повлияла на его решение совершить убийство Кирова».

То есть Котолынов и Шатский - бывшие зиновьевцы. А от Николаева сразу были получены показания о «связях с некоторыми активными в прошлом зиновьевцами» (см. выше). Это не с Котолыновым и Шатским ли? Жаль, что у нас нет доступа к уголовному делу, но пока все сходится.

Однако авторы записки упорно, но при этом абсолютно бездоказательно, пытаются представить дело так, что никакой связи Николаева с зиновьевцами не было.

«Путем обмана, шантажа, обещаний сохранить жизнь и создания Николаеву привилегированных условий содержания под стражей (улучшенное питание, приготовлявшееся вне тюрьмы, фрукты, кондитерские изделия, папиросы высших сортов) работники НКВД в процессе следствия склонили Николаева к даче ложных показаний о причастности зиновьевской оппозиции к убийству Кирова и на оговор группы бывших зиновьевцев, арестованных по данному делу. В частности, от Николаева добились показаний о том, что он якобы являлся зиновьевцем, входил в подпольную террористическую группу, состоявшую из бывших оппозиционеров-зиновьевцев, и по ее заданию совершил террористический акт над Кировым. От него были также получены показания о преступной связи их группы с латвийским консулом в Ленинграде Бисенексом».

Никакими ссылками на материалы дела данные утверждения не подкреплены. Хотя, если Николаев свои показания менял, никакого «криминала» в этом нет. Пока же, если проигнорировать пустую болтовню хрущевских горе-разоблачителей, то в сухом остатке имеем, что в деле есть показания Николаева о том, что он является зиновьевцем, ходил в организованную ими террористическую группу, по заданию которой убил

Кирова.

А вот еще один интересный момент из записки Шверника:

«Во время работы XV съезда ВКП(б) и после за активную оппозиционную деятельность Котолынов, Левин, Румянцев, Шатский, Мандельштам, Мясников, Сосицкий и Ханик были исключены из партии, а на Антонова, Звездова и Толмазова наложены партийные взыскания. В 1928-1929 годах в связи с подачей заявлений об отходе от оппозиции все упомянутые выше лица, кроме Шатского, были восстановлены в партии. Однако и после разгрома партией зиновьевской оппозиции Румянцев, Левин и другие, изредка встречаясь между собой, иногда вели антипартийные разговоры, высказывались за возвращение Зиновьева и Каменева к партийному руководству, резко критиковали в узком кругу деятельность Сталина и некоторых других руководителей партии и советского государства. Такое их поведение было известно партийным органам и органам госбезопасности, возникал вопрос даже об аресте некоторых из этих лиц, но от этого воздерживались, в частности, потому, что против ареста возражал С.М.Киров».

То есть, несмотря на покаяние и признание своих ошибок, что было условием восстановления в партии, зиновьевцы не отказались от своих ошибочных взглядов. Более того, они сохранили определенное организационное единство и, по всей видимости, вели антисоветскую пропаганду, раз у органов госбезопасности были основания для их ареста. Возможно, были и другие основания. К сожалению, в записке Шверника этот вопрос не освещен. А вот то, что против ареста возражал Киров, свидетельствует не о том, что деяния эти были пустяковыми, а о том, что Киров мог не понимать опасности всех этих, якобы, бывших оппозиционеров, что и стоило ему жизни.

Или вот еще абсолютно бездоказательные измышления от составителей записки:

«Используя эти прошлые ошибки арестованных, следствие добилось от них признания моральной и политической ответственности за террористический акт, совершенный Николаевым

как якобы зиновьевцем. Кроме того, от некоторых арестованных были получены неконкретные и противоречивые показания о наличии в Ленинграде и Москве подпольных центров зиновьевской оппозиции и об их участии в деятельности этих центров».

Ну а чем плохо, если подозреваемые признались? Да, конечно, признание могло быть получено какими-то незаконными методами. Но тогда в делах неминуемо должны были остаться об этом какие-то документы: жалобы, ходатайства и т. п. Если эти документы имеются, то почему они не предъявлены? Если же этих документов нет, то тот факт, что следователь настолько исчерпывающим образом доказал вину подозреваемого, что вынудил его признаться, говорит лишь о профессионализме следователя.

С чего составители записки взяли, что показания о наличии центров зиновьевской оппозиции были некорректны и противоречивы? Никаких доказательств этому не приводится. Однако, опять же, отметим для себя, что **показания о наличии этих центров были получены**, а доказательств, что они были получены некорректно, нет.

И вот опять:

«Материалы дела и проверки показывают, что обоснованным является только обвинение Николаева в совершении террористического акта. Другие же обвинения, выдвинутые против арестованных по делу «Ленинградского центра», объективного подтверждения в ходе расследования не нашли, а признания моральной и политической ответственности вообще не содержат состава преступления. Несмотря на это, было принято решение об окончании следствия по делу и проведении в Ленинграде судебного процесса».

Какие материалы дела и проверки каким образом всё это показывают? В записке отсутствуют доказательства, что показания обвиняемых были фальсифицированы. А о каких «объективных подтверждениях» может идти речь при разборе дела законспирированного центра - вообще непонятно. Не иначе, письменное поручение «грохнуть» Кирова. Нам снова предлагается верить на слово Швернику, который выполнял указания вруна и оппортуниста Хрущева.

Из текста записки понятно, что Шверник выполнял политический заказ - любым способом опорочить Сталина и свалить вину за «репрес-

сии» на него лично. Но любому думающему человеку очевидно, что все эти обвинения высосаны из пальца и абсолютно бездоказательны.

«Сталин дважды правил текст проекта сообщения [о начале судебного процесса. - Федотов] в печати. Он собственноручно исключил из состава «Ленинградского центра» Антонова и Звездова и вписал туда Румянцева и Николаева, хотя никто из арестованных членом «центра» Николаева не называл и сам он таких показаний не давал. Далее Сталин, вопреки материалам дела, возложил на «центр» главную роль в организации террористического акта, написав в сообщении, что «убийство тов. Кирова было совершено Николаевым по поручению террористического подпольного «Ленинградского центра»».

Авторам доклада в пору фантастические рассказы писать... Сталин, как ранее в том же докладе сообщалось, живо интересовался тем, как идет следствие. Поэтому материалы дела он наверняка изучал. Так что если даже он кого-то «собственноручно исключил» (чему, кстати, доказательств нет), то всяко имел для этого какие-то основания. То, что Сталин, изучив материалы дела, сделал какие-то свои выводы и указал следователям на ошибки, никак не говорит о том, что зиновьевский центр был выдуман, равно как и связь Николаева с этим центром.

Что Сталин сделал свои выводы вопреки материалам дела - бездоказательно. Этот вывод сделали авторы доклада, но оснований они не привели. Вкупе с засекреченными материалами дела все это говорит о том, что авторам доклада предлагается верить на слово. Слишком много чести для Шверника.

Общие выводы, сделанные авторами доклада, следующие:

«В суде дело рассматривалось с грубейшими нарушениями законности и в упрощенном порядке. Обвинительное заключение в судебном заседании не оглашалось, ходатайства обвиняемых в части ознакомления их с материалами следствия и другие законные требования не рассматривались. Террорист Николаев допрашивался в отсутствие других подсудимых, ему задавались наводящие вопросы. Нарушались и другие элементарные правила

судопроизводства».

И снова никаких доказательств. «Грубейшие нарушения законности»? Какие конкретно? В чем они выражались? Кто их допустил? Где они зафиксированы? Что не оглашалось обвинительное заключение - этого мы проверить никак не можем. Да даже если допустить, что оно так и было, этот факт никак не влияет на саму его суть. «Другие законные требования» - это какие? Кто из подсудимых какие ходатайства заявлял? На каком основании они не были удовлетворены? Что Николаев допрашивался в отсутствии других подсудимых, так это снова ничего не говорит о том, что обвинительное заключение было неверным, не соответствующим объективной реальности.

«Подсудимые специально готовились сотрудниками НКВД к тому, какие показания они должны давать в суде. Так, во время судебного процесса около Николаева постоянно находились сотрудники НКВД, имевшие отношение к следствию, которые поддерживали у него надежду, что ему будет сохранена жизнь и определена мягкая мера наказания. Когда же огласили приговор о расстреле, то Николаев, по сообщению ряда очевидцев, вскрикнул, что его жестоко обманули, ругал следователя Дмитриева и ударился головой о барьер (Материалы проверки дела «Ленинградского центра», т. 1; Архив КГБ, д. № ОВ-5, т. 1)».

Бред сивой кобылы! Авторы доклада все время апеллируют к законности, а, на самом деле, постоянно прибегают к бездоказательной болтовне. Что значит «специально готовились»? В чем это выражалось? Какие документы, имеющиеся в деле, это подтверждают? Создается впечатление, что таких документов в деле просто нет, иначе б хрущевским борзописцам не пришлось выдумывать столь смешные «аргументы». Ведь получается, что из всех «доказательств» принуждения Николаева к даче определенных показаний имеются лишь сообщения неназванных «очевидцев», что Николаев «ругал следователя» и кричал, что «его обманули». Этого вполне достаточно хрущевским «законникам». Они ссылаются на «материалы проверки дела», но они до сих пор находятся в архиве, доступа к ним нет. Сказать точно, имеются ли там доказательства того, о чем сказано в докладе, мы не можем. Однако очень странно (если принять

все же, что такие доказательства имеются в материалах проверки), что авторы доклада их не предъявляют, подменяя пустой болтовней.

«В своих объяснениях в КПК при ЦК КПСС в 1961 году бывшие члены Военной коллегии Верховного суда СССР Матулевич, Горячев и секретарь судебного заседания Батнер, непосредственно участвовавшие в рассмотрении дела «Ленинградского центра», указали, что приговор по этому делу был написан заранее в Москве. На допросе в 1956 году Матулевич по этому вопросу показал:

«Приговора в гор. Ленинграде мы не составляли. Он был написан заранее и согласован с инстанцией... Готовый проект приговора был отпечатан на машинке. Что же касается меры наказания, то она была внесена в приговор после разговора Ульриха со Сталиным... Ульрих заявил, что мера наказания по указанию Сталина должна быть всем - расстрел»».

Здесь абсолютно непонятно, что значит «заранее». Вполне логично, что текст приговора пишется «заранее», то есть до его оглашения. Из показаний Матулевича следует лишь то, что он не участвовал в составлении приговора; что текст приговора был «согласован с инстанцией» (с какой конкретно, тоже непонятно); что проект приговора «был отпечатан на машинке» (и что из этого?); что меру наказания, со слов Ульриха, определил Сталин. Ни один суд, если бы в нем рассматривалось дело о нарушении судебной процедуры и осуждении невиновных по вине Сталина, за доказательства показания Матулевича бы не принял. Он сослался на Ульриха, который к тому моменту давно уже умер, поэтому допросить его не было ни малейшей возможности, а вот приписать ему можно было любые слова, причем безнаказанно.

«Как показала проверка, преступление Николаева следствием и судом по ст. 58-8 УК РСФСР (террористический акт) квалифицировано правильно. Все остальные лица, осужденные по этому делу, необоснованно обвинены в создании подпольной террористической зинovieвской группы, в подготовке и совершении террористического акта

над Кировым».

Как показала проверка доклада комиссии Шверника, никаких **доказательств** фальсификации материалов дела Николаева и других подсудимых в данном докладе не содержится. Более того, если органами государственной безопасности были действительно обнаружены основания для пересмотра дела, то советское законодательство требовало отмены приговора в **судебном** же порядке. То есть именно суд должен был рассматривать основания для отмены приговора и принимать решения. Однако этого сделано не было. Более того, подсудимые даже «реабилитированы» не были вплоть до начала 90-х годов.

Так что никаких оснований считать неправильным обвинительное заключение и приговор Военной коллегии Верховного суда у нас нет, хотя ряд несущественных ошибок, возможно, и были допущены. Общие выводы, с учетом того, что полностью материалы дела не обнародованы, можно сделать следующие:

Во-первых, убийство Кирова совершил Николаев. Тут сомнений быть и не могло, поскольку пойман с поличным.

Во-вторых, в Ленинграде после разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции (а Киров, несомненно, принимал в этом самое активное участие, и у зиновьевцев был на него «большой зуб») часть зиновьевцев во главе с Котолыновым, восстановившись в партии, создала законспирированную организацию, ставившая своей целью борьбу, с партийным руководством, в том числе, и личную месть. Во главе организации стоял так называемый «центр». О существовании данной организации дали показания Котолынов, Николаев, Шатский, Антонов, Румянцев и др.

В-третьих, касательно причастности Николаева к данной организации, показания дали сам Николаев, Соколов, Антонов, Котолынов, Ханик, ёскин и Шатский.⁶ Тем не менее, по данному вопросу имеется довольно много спекуляций со стороны буржуазных исследователей. Сводятся они к тому, что показания подсудимых о количестве членов организации и членов центра разнятся, а Николаева, якобы, вообще никто не называл членом «центра» и вообще его роль в данной организации не определена.

Однако надо понимать, что речь тут шла о тайной организации, а не о легальной, где мог иметься перечень состоящих в ней людей и их иерархия. Поэтому вполне очевидно, что неко-

6. Обвинительные материалы по делу контрреволюционной группы зиновьевцев. Партиздат ЦК ВКП(б).М., 1935. С.10.

торые члены законспирированного «центра» могли и не знать, кто состоит в организации, а кто нет. Однако установлено, что Николаев с членами центра контактировал довольно активно.

В-четвертых, пока не открыты все материалы дела, есть определенные сомнения, по чьему указанию действовал Николаев, и было ли вообще такое указание. Сам Николаев показал, что действовал по указанию Котолынова. Однако сам Котолынов это категорически отрицал. Имелись ли в деле другие доказательства по данному вопросу - неизвестно. В брошюре, изданной по материалам дела в 1935 году, другие доказательства не приводятся.

Тем не менее, по сути, это и не столь важно. Обвиняемые показали, что террористические настроения в их организации имели место и что о террористических намерениях Николаева они знали. Так, тот же Котолынов показывал, что озлобление к партийному руководству, которое культивировалось в их организации, могло привести к формированию террористических настроений. В том же духе давали показания обвиняемые Ханик, Румянцев, Толмазов, Антонов.⁷

Если не пытаться подменить объективную истину формально-юридической казуистикой, то нет решительно никакой разницы, дал ли Котолынов или еще кто-либо **указание** Николаеву убить Кирова, или же Николаев «сам», точнее, под воздействием зиновьевской пропаганды, пришел к этой мысли и не скрывал перед членами организации своих намерений. О террористических настроениях в организации показания дали многие, так же как и о принадлежности Николаева к этой организации. Помимо показаний Николаева, тот факт, что члены организации знали о его террористических намерениях, подтвержден показаниями Соколова. Есть ли такие показания от других обвиняемых - неизвестно, поскольку эти материалы не опубликованы.

Версия, будто Николаев, с учетом всего вышесказанного, действовал самостоятельно, не выдерживает критики. Зиновьевская организация либо реально дала некие указания Николаеву, либо же молчаливо ему потворствовала, поскольку цели Николаева не расходились с интересами зиновьевцев.

В-пятых, из показаний Котолынова следует, что руководителями организации зиновьевцев являлись Каменев, Зиновьев, Бакаев «и другие». Другие показания по данному вопросу в опубликованных материалах дела отсутствуют.

Буржуазные исследователи, критикуя данный процесс как «сфабрикованный», указывают на целый ряд нестыковок и юридических нарушений. К примеру, некто Анна Кирилина в своей книге «Неизвестный Киров» пишет (видимо, ознакомившись с докладом комиссии Шверника), что аресты проводились без санкции прокурора, в некоторых протоколах допроса отсутствуют подписи допрашиваемых, обвиняемые не были ознакомлены с материалами дела. Однако наличие юридических нарушений не тождественно фальсификации и не снимает с исследователя обязанности доказывать факт фальсификации. Далее сообщается, что первоначальные показания Николаева о том, что убийство планировал он лично, не стыкуются с более поздними, где он утверждал, будто существовало несколько групп террористов.

Тем не менее, несмотря на подобные неточности и спорные моменты, факт существования законспирированных организаций зиновьевцев следствием был доказан. Более того, был доказан факт, что террор как метод борьбы с партийным руководством, как минимум, логически вытекал из взглядов зиновьевцев и ими не отвергался, а, как максимум, по указанию зиновьевцев был применен против Кирова.

Март - апрель 2018

Продолжение следует

7. Обвинительные материалы по делу контрреволюционной группы зиновьевцев. Партиздат ЦК ВКП(б).М., 1935. С.11.

КАПИТАЛИЗМ, ГОСУДАРСТВО, ИСКУССТВО

Валерий ПОДГУЗОВ

Слоупоки и цензура

Одним из направлений «борьбы» значительной части наиболее амбициозной и наименее талантливой художественной интеллигенции во времена СССР, особенно при Горбачёве, была «борьба» за персональное материальное благополучие, за привилегии, предметы роскоши, короче говоря, за деньги. Под видом борьбы против коммунистической партийности в искусстве, т.е. классовой цензуры, которую в Советском Союзе применяли по отношению к тем, кто использовал средства искусства для открытой и скрытой пропаганды, например, пофигизма, на манер Пастернака, Довлатова, Жванецкого; антикоммунизма, т.е. фашизма, на манер Солженицына, Новодворской, Астафьева; клерикализма и мистицизма, на манер Бердяева, Флоренского и Айтматова; монархизма на манер Глазунова; белогвардейщины на манер Булгакова; шовинизма, на манер Белова, Распутина, Капуткиан, Адамовича; кухонно-политических страстишек, на манер Аксёнова, Тополя, Померанца...

Сегодня особенно очевидна инфантильность и подлость многих «инженеров человеческих душ», особенно, проявленные ими в годы горбачевщины, когда они уверяли, что с окончательным убийством КПСС (которая и без того уже, со времён Хрущева, не несла в себе ничего большевистского), и с воцарением рыночных нравов, власти доллара, утвердится полная свобода любого слова, особенно, если его объявить художественным. В подавляющем своём большинстве, советские (по паспорту) писатели, артисты, сценаристы, режиссёры, с апломбом Митрофанушки, лгали гражданам СССР, готовя их к роли будущих обманутых дольщиков, пайщиков, вкладчиков МММ, безработных, бездомных гастарбайтеров, проституток, киллеров, коррупци-

онеров, неофашистов, игиловцев, черных риелторов и их жертв.

Незадолго до своей кончины писатель Василий Белов, едва ли не единственный, внятно покаялся в том, что поучаствовал, по деревенской недалекости своей, в уничтожении сверхдержавы под названием СССР, о чём весьма сожалеет, но исправить уже ничего не может. Актёр и режиссёр, Роллан Быков, долгое время дрейфовавший вместе с большинством культуртрегеров в сторону демократии и рынка, подальше от сталинизма, после победы сторонников рыночной культуры признался в своих интервью и мемуарах, что, с восстановлением власти капитала в стране, снимать фильмы с философским подтекстом гуманизма, а тем более, для детей, стало очень трудно, поскольку теперь художнику дают деньги только под определённый, удобный спонсору, сценарий. Иными словами, Роллану Быкову вдруг открылось, что профессиональная и партийная цензура в СССР была более объективной, целеполагающей и не такой унижительной, как цензура организованного паханата олигархов. Жаль, что, например, ни Листьеву, ни Талькову судьба не позволила посмотреть на итоги своей борьбы против коммунизма, хотя бы, до момента расстрела из танковых пушек депутатов Верховного Совета РСФСР, голосовавшего за... роспуск СССР, тем более до трагедии в Норд-Осте или на Майдане.

В СССР нужно было убедить, прежде всего, своих коллег по творческому Союзу, и тогда деньги на фильм, книгу, сценарий выделялись. Более того, если деньги, выделенные на искусство, не осваивались к концу года, то именитые коллеги обязаны были убедительно обосновать причину своих отказов и срыва объёмов профинансированных работ художественного назначения, в противном случае, руководители главлита

сами могли получить нагоняй, тем более, во времена Сталина, когда прошлые заслуги редко оправдывали текущие политические ошибки, как это было, например, с Эйзенштейном или Мандельштамом. Плановость, например, в киноискусстве СССР, на первое место ставила не денежную выручку, а идейно-воспитательное качество кинопродукции, т.е. степень социалистического реализма произведений, ведущих человека к коммунистическому мировоззрению, к тому же, художественное и философское качество советских фильмов, чаще всего, обеспечивало им окупаемость, а порой, и премии на мировых кинофестивалях, что, впрочем, нельзя считать критерием художественности или содержательности произведений.

Однако отношения между членами руководства того или иного творческого Союза и соискателями средств на реализацию своего проекта, на всех этапах истории искусства в СССР требовали от просителя определенной дипломатии, этикета, иногда лести или небольшого мальчишника с бутылочкой коньяка, но вовсе не миллионных откатов, как сегодня. Но тут ничего не поделаешь, такой была исходная либерально-феодалная закваска художественной среды, доставшейся социализму от царизма, изрядно знакомой с гонорами, водкой, кокаином и морфином, получившей дореволюционное обучение и циничное церковное воспитание. Они и сохраняли затхлую моральную атмосферу в творческих союзах СССР. Значительная часть разночинной интеллигенции царской России грешила мещанством, т.е. тягой к дворянству и к его замашкам в быту. Достаточно перечитать письма Алексея Толстого из его зарубежных командировок, чтобы понять, как ему трудно было искренне понять, что пролетарии, пошедшие за большевиками, заслуживают уважения, не меньшего, чем «перековавшиеся» дворяне. Это касается и Булгакова, и Зощенко, и Платонова... Трудновато было и тем, кто, уже во студенчестве, в конце 60-х начале 70-х годов прошлого века, считал себя гением авангарда, единственным и неповторимым, и пытался сделать революцию в искусствах, не убедив своих именитых и уже признанных коллег, во владении **классикой** ремесла, как это призывал делать добытчиков славы, например, Сальвадор Дали.

О своих личных трудностях подобного рода, однажды, с трибуны кинофестиваля в 2017 году

поведал А. Сокуров.

«Врагами для художественного человека, – убеждал Сокуров, – по большей части становятся его ровесники. [Из следующей фразы становится ясно, что Сокуров спутал слова «студенты-ровесники» со словами «современники-режиссёры», – В.П.] Многие судьбы кинематографистов не сложились, потому что были раздавлены в удушливых объятиях коллег. [Т.е. уже состоявшихся режиссёров, – В.П.] Память о том, что мне было очень трудно, но всегда кто-то протягивал руку помощи, для меня свята. Пусть немного этих людей». К числу этих «кто-то помог» относятся и Горбачев с Яковлевым, поскольку именно с их высочайшего соизволения, все картины, которые были забракованы профессионалами киноискусства, начали выпускать на ещё советские экраны с 1987 года. Поэтому, гори синим пламенем СССР, мечитесь по территории СНГ толпы женщин «челноков», изуродованных гигантскими клетчатыми баулами, и мужиков гастарбайтеров, нюхайте клей, дорогие детки, на лестничной клетке, но фильмы Сокурова мелькнули на экранах.

Ясно, что до конца своего творческого пути Сокуров будет оставаться кумиром меньшинств, особенно, антисоветских. Сокуров, такой же дипломированный историк, как и Ельцин – строитель, чувствовал, что все его трудности, начавшиеся с фильма «Одинокий голос человека», возникли именно в силу причин, далеко отстоящих от ЦК КПСС, но связанных с его личным чванством, с конкуренцией коллег, однако, был зол на всё советское. Его грела и придавала сил мазохистская мысль о том, что его искусство недоступно пониманию ни коллег, ни «убогого» большинства, ни детей, и... он этим гордился. Сокуров знаменит не тем, что на его фильмы валят валом и выходят одухотворенными, а, именно, количеством картин или отложенных на полку, или одобренных лишь западными СМИ. Хотя, нельзя сказать, что за фильмом Сокурова, например, «Фауст», западные прокатчики когда-нибудь выстроятся в очередь. А важности на себя Сокуров напускает столько, как будто это он автор «Фауста», а не очередной интерпретатор.

Т.е. в СССР, и после выпуска произведения в свет, иногда проводились повторные чтения и просмотры в ЦК, споры, оргвыводы по материалам доносов интеллигентов-конкурентов, коллег, но произведение уже было создано, творец в про-

цессе работы, питаюсь и одеваюсь как весь советский народ (это, тоже, угнетало элиту), получал для своего творчества, столько же, сколько получали все его коллеги. Но, в зависимости от мнения старших коллег, в том числе, состоявших в коммунистической партии, некоторые готовые произведения могли быть отложены на «полку», чем сегодня бывшие диссиденты, а ныне грантоеды, страшно гордятся, поскольку только в этом случае их могла пригласить на интервью сама «княгиня Марья Алексевна», т.е. Татьяна Толстая.

Многие подобные представители художественной элиты СССР уже ушли в мир иной при капитализме, успев наголодаться, но, не успев покаяться. Нужно было видеть, как натужно и униженно советский романист Борис Васильев в лихие 90-е старался доказать в своих интервью рыночным СМИ, что даже в его повести «А зори здесь тихие» имеется богатый антисоветский подтекст, что он всю жизнь тайно стоял в оппозиции ко всему советскому, а писать любил, преимущественно, о мытарствах дворян при Советской власти. Но забавно именно то, что в историю искусств Васильев попал лишь за повесть «А зори здесь тихие», а не за свои ремейки «трёх сестёр» и «дяди Вани».

Сегодня, чтобы получить деньги, творческому человеку нужно поклониться в ножки иногда братве, как это, порой до самой земли, приходилось делать Алибасову, Талькову, Кругу; иногда бизнесу, что, практически, одно и то же. Быть предельно дипломатичным, особенно перед зарубежным спонсором, который всё искусство измеряет исключительно своей прибылью и упивается своей властью. Но грантоеды не слишком дорого обходятся западным «благотетелям», и, в результате, зритель получает совершенно бездарные ремейки или американских мыльных опер, или «тихих донов», «хождений по мукам», «тихих зорь», не имеющих ни малейшего художественного превосходства над советскими оригиналами. Не исключено, что ремейки для того и делаются бездарными, чтобы убить интерес новых поколений к великолепным первоисточникам советской эпохи.

Разумеется, романы и сценарии пишутся и сегодня, но каждый творческий цех, каждый комитет по награждениям выделяет премии только представителям своей стаи (одни – стае непуганых демократов и либералов, другие – стае

пуганых клерикалов и националистов), и сказать, что после уничтожения коммунистической цензуры, кто-то из лауреатов за четверть века приобрел у читателей славу Горького, Шолохова, Маяковского, Островского, Пикуля, Иванова, Маркова, Рождественского или Гамзатова... нет никаких оснований. Наоборот, имена большинства некогда известных в демократических кругах диссидентов, различных «митьков», летально забываются. Детективная порнография, мистика и нацистика заполонили вербальное и чувственно-образное пространство. Найти что-либо значительное в буржуазной действительности, кроме значительного количества агрессии, грязи, мата, извращений и атавизма для художественного освещения, практически, невозможно. Своим политическим влиянием, грантами и премиями западные левиафаны и обуславливают появление фильмов о российских «левиафанчиках» в книгах и на экранах. Сравнить оскверняющий потенциал и опыт разрушительства ротшильдов, рокфеллеров, фордов, воленбергов, бушей, соросов, шарпов с российскими березовскими, абрамовичами, дерипасками, ваксельбергами, прохоровыми, мавроди, гозманами и демонизировать этих, последних, право же, грешно. Они только учатся.

Цензура, пока существует капитализм, и впредь будет осуществляться не только сверху, деньгами, но и с самого низа, со стороны либеральной художественной интеллигенции, т.е. главными доносителями всех времён и народов, поскольку ни крестьяне в эпоху феодализма, ни пролетарии в период промышленной революции и много позже, не могли донести, например, на Фонвизина, Диккенса или Горького в силу не владения письменной грамотой. Недипломированных лиц, среди доносчиков-конкурентов и оплачиваемых филеров, особенно в сфере искусств, не бывает.

Совершенно очевидно, что, пока существует деление на частную и государственную капиталистическую собственность, будут существовать и бюджетные, и частные способы финансирования деятельности художественной интеллигенции, т.е. будут осуществляться не столько добросовестно соревнующиеся художественные исследования, сколько конкурирующие объёмы финансирования, т.е. финансовая цензура и, следовательно, художественная интеллигенция и СМИ будут всё больше превращаться в собачий хвост или во флюгер (кому, кем больше

нравится быть), обслуживая требования своих чиновных папиков, поскольку, даже, государство, в условиях капитализма, вынуждено, время от времени, не принципиально, но менять свою ориентацию, например, с колониальной на откровенно фашистскую. И этого же требуют от художественной братии. В противном случае их ждёт сожжение их книг, маккартизм или откровенная бандеровщина.

В конце декабря 2017 года, высокопоставленный чиновник то ли ФСБ, то ли СКР, высказал свою точку зрения по вопросу неотвратимости правоприменительной практики в сталинские годы. Тут же, группа лиц, относящая себя к числу демократических академиков, выступила в роли цензоров и написала донос, в котором требует запретить это мнение, так, как будто технические интеллигенты, далеко отстоящие от обществоведения и юриспруденции, точно знают, что там было в сталинские времена, на самом деле, и как должно быть. Они до сих пор не поняли, что всё, написанное Солженицыным, – это, всего-навсего, **романы**, навеянные лагерными слухами и рыбацкими рассказами, по своим литературным качествам существенно уступающие, даже, сказке о Графе Монте-Кристо.

Не успел чиновник Песков отреагировать на письмо К. Райкина по поводу «Дайте денег» в духе: «Денег нет, но вы пишите», тут же появилось открытое письмо Звягинцева¹. А известный «слоупок», Навальный, тут же прорецензировал письмо Звягинцева, т.е. выступил с цензурной оценкой тех, кто изображает борьбу с произволом государства, т.е. с левиафанами во имя утверждения либеральных ценностей.

«Мощнейшее открытое письмо режиссера фильма «Левиафан» Звягинцева я прочитал только что, – пишет Навальный, – поэтому не исключаю, что есть вокруг такие же слоупоки как я. Это должен прочесть каждый, поэтому если пропустили – читайте, публикуйте полностью. Там всё очень важно, а особенно прямо высказанная мысль о государственных деньгах, которыми Кремль подкупает и шантажирует. Ключевая черта, свидетельствующая о безнравственности нашей власти, в том и состоит, что она совершенно убеждена: деньги, которыми они распоряжаются, принадлежат

им. Они забыли, с какой-то удивительной легкостью изъяли из своего сознания простую и очевидную мысль, что это не их деньги, а наши. Общие. Деньги, на которые они «заказывают» свои агитки, взяты у народа».

[Честно говоря, письмо Звягинцева прочел и я, но ещё больше утвердился в мысли, возникшей у меня после просмотра «Левиафана», что Звягинцев очень поверхностный и ангажированный человек, – **В.П.**]

Если исходить из словарного определения цензуры, (лат. *Censura* – «строгое суждение, суровый разбор, взыскательная критика»), то, как видим, Навальный таки осуществил цензуру письма режиссера Звягинцева в меру своей суровой взыскательности и опубликовал своё мнение на своём сайте в порядке одобрения политической ориентации сравнительно молодого режиссёра. Навальный, как всегда, лукавит, делая вид, что не знает, что в функции цензора входит не только право **запрещать**, но и право **разрешать**. Именно с **разрешения** цензора и попал, например, первый том «Капитала», переведенный на русский язык, в царскую Россию. Цензор поостроумничал, не опасаясь царского гнева, зная точно, что всероссийский самодержец толстых книг не читывал, памятуя, со слов кота Базилио, к чему это может привести.

Однако бесполезно искать у Звягинцева или Навального ответ на вопрос: а как правильно раздавать «народные деньги», сосредоточенные в бюджете капиталистического государства? На лицо обычное провокационное нытьё инфантильных лиц, имеющих представление об окружающей их действительности на уровне Васисуалия Лоханкина. Им наплевать на миллиарды, затраченные, например, на демократические выборы, на организацию подсматривания за детьми на ЕГЭ, на вооружения, на то, что эти средства можно было бы направить на действительное умственное развитие будущих неозвягинцевых и протонавальных, чтобы из них не получились митрофанушки и слоупоки.

Между тем, только в истории СССР есть опыт, когда, в годы первых двух социалистических пятилеток, расходы на оборону разумно расположились на самом низком уровне в бюджете страны. А во второй пятилетке именно расходы на науку, образование и культуру заняли в сумме ПЕРВОЕ место в расходной части бюджета, по-

1. А. Звягинцев «Дурной сон госзаказа» 26.10.2016 (<https://www.kommersant.ru/doc/3126654>)

чему, собственно, советские люди и победили ненавистников коммунизма, т.е. фашистов в 1945.

А у Райкина, Звягинцева и Навального получается, что деньги – главное в искусстве, а буржуазное государство виновно в том, что... интеллигенты легко клюют на подачки госчиновников.

Чиновники легко делают предложения интеллигентам, от которых тем трудно отказаться потому, что для этих, последних, деньги, действительно, самое важное в жизни. Например, Мишенька Ефремов тем и «объяснил» свои съёмки то в роли негибаемого майора КГБ, то бескорыстного советского следователя, что у него шесть детей от четырёх жен, и нужны деньги на их содержание и опохмелку. Вот, он и играет всё, за что заплатят. Заплатит Звягинцев больше, он сыграет, хотите, Левиафана, хотите, его жертву, но материться может и бесплатно.

Навальный повторяет глупости Звягинцева, не задумываясь. Между тем, буржуазное государство распоряжается теми деньгами, которые общество обязано отдать, и отдаёт ему по закону, утвержденному большинством голосующих. Часть денег государству выделяют сами олигархи, особенно при подготовке к избирательной компании, именно для того, чтобы ими распорядилось **буржуазное** государство, т.е. чиновники, в том числе, и на охмурение граждан, чтобы можно было кого-то завлечь на выборы, кого-то послать на войну или на разработку и производство новых видов оружия. При капитализме непримиримая драчка между однотипными буржуазными парламентскими партиями потому и идёт, что распиливать бюджет, в интересах олигархов, будут чиновники, назначенные партией-победительницей на парламентских или президентских выборах.

Навальный делает вид, что ему не ведомо, что не только государство при капитализме, но и частные банкиры делают с деньгами вкладчиков **всё, что им угодно**, абсолютно не думая

о своих клиентах, т.е. о народе и последствиях. Однако банкиров Навальный и Звягинцев, почему-то, не задевают. Видимо, понимают, что олигархов задевать опасно, могут и заказать в первой же подворотне на деньги вкладчиков, а чиновникам купить киллера – чуть сложнее.

В социалистическом обществе направления денежных потоков определялись пятилетним планом, содержание которого, при однопартийной системе, утверждалось Верховным Советом от имени трудового народа на удовлетворение разумных потребностей всего общества, при крайне незначительных разрывах в личных доходах рабочих, чиновников и художников. Социалистические чиновники, т.е. исполнительная власть, **ОБЯЗАНА** была лишь **исполнить** все планы политического, научно-технического и социального прогресса,

утвержденные Советской Властью под руководством и контролем партии научного мировоззрения. Нецелевое расходование народных средств, например, на поддержку зарубежного троцкизма, стоило многим крупным партийным лидерам, процессов 37 и 38 годов.

Для финансового обеспечения важнейших направлений искусств, личного быта и творческой деятельности создателей художественных ценностей, в СССР существовали творческие Союзы, возглавляемые профессионалами соответствующих направлений искусств, которые и решали конкретные вопросы распределения финансовых и материальных средств. ЦК КПСС редко вмешивался на этой стадии в конкретные вопросы: как писать, как снимать, как одеваться, сколько и чего пить, но самым строгим образом и в самом общем виде определял стратегию искусства, призывая художников «вечным и добрым» искренне служить трудовому народу, который их кормит. Когда же к рулю идеологии в КПСС встал Яковлев, он приказал художникам всех направлений: очерняйте и опошляйте всё,

что связано с СССР. И из интеллигенции, с **разрешения** главного цензора ЦК КПСС, смело поперло все то дерьмо, слухи, домыслы, ложь, которые они перепевали друг другу на своих тайных вечерах на кухнях за просмотром западных видео, между гранеными стаканами водки в мечтах о виски.

Навальный, как всегда, поднимает бурю в стакане, обвиняя буржуазное государство в том, что оно даёт деньги не тем, кому, как он считает, нужно давать. Навальный, с его опытом распиловки бюджета, не понимает, что нет ничего проще, чем отказаться от государственных подачек, если ты не согласен с буржуазной государственной политикой. Всего-то и делов: призови Звягинцев всю демократическую и либеральную интеллигенцию, ни под каким видом, не брать деньги у государства, хоть российского, хоть английского, и проблема будет закрыта, как и статья бюджета!

Ведь, самые важные свои произведения, например, бессмертные Толстой, Горький, Джек Лондон, Чарли Чаплин, Маркс и Ленин написали и издали без всякой государственной поддержки, часто, вопреки государственным предписаниям и цензорам. Но ума и совести у либедемократической интеллигенции осталось так мало, а развращенность их натур так велика, что они не понимают простых нравственных постулатов. В том, что современным интеллигентам не хватает денег для выживания, повинен капитализм, рыночная, продажная часть самой интеллигенции. Закостенев в своем недомыслии о том, что счастье пропорционально количеству денег, многие из современных художников творят на заказ, торгуясь с разной степенью умелости, и лишь у незначительного количества художественных интеллигентов личная позиция и государственная буржуазная политика совпадают искренне у одних с Рузвельтом, у других с Гитлером или Черчиллем. У Аксёнова, например, позиция искренне совпадала с политикой всех западных антисоветских президентов, у Михалкова – всех российских. Но Звягинцев и Навальный, фактически, требуют, чтобы все российские интеллигенты отказались от государственных оплачиваемых заказов и худели, если не удалось выпросить столь же независимые, сколь и иностранные, гранты и премии.

Обнажаясь, непритязательная мысль Навального выглядит, примерно, так: современное российское государство должно выделять деньги тем, на кого укажет Навальный, но, в любом случае, сначала деньги, а потом искусство. Ины-

ми словами, при любом раскладе, Навальный не мыслит искусства не пропорционального деньгам. Вся проблема для него заключается в том, чтобы лишить государство права распоряжаться той частью бюджета, которая выделена на оплату лояльного искусства. Хорошо, если такие мысли есть лишь следствие «слоупакости» его ума. Он не понимает, что большинство людей любят «личное пространство» и ценят свободное время жизни, в течение которого они реализуют свои таланты, начиная с науки, изобретательства, художественного творчества и не кончая любовью, а потому, как только это удастся обеспечить финансово, стремятся освободить себя от такого грязного, неблагодарного, рутинного дела, каким является политика, в том числе, и бюджетная – историческое детище тиранов и негодяев. Олигархи всего мира отчаянно боролись с большевизмом, поскольку конечной целью борьбы большевиков и было уничтожение политики олигархов, их государства, и как производных от их власти, и как концентрированного выражения любой грабительской экономики.

В большинстве своем, искусство советского периода во всех своих формах было, практически, некоммерческим, поскольку советские творцы, особенно во времена Сталина, получали совершенно достаточные средства для творчества и обычные ставки окладов для личной жизни. Умные художники понимали необходимость такой распределительной политики, поскольку были демиургами по природе, а те, кто глупее, считали, что создавая произведения социалистического реализма, они имеют право жить роскошнее американских миллиардеров. И если это им не удавалось, они, на западных радиостанциях, гадили на Родину, как породистые свиньи гадят, стоя перед собственным корытом.

Чем меряются современные либеральные интеллигенты?

**«Ты кто такой?
А ты кто такой?»**

(Классика)

«В ответ, – пишет А.Звягинцев, – на отчаянное, глубокое и чрезвычайно важное для сегодняшнего дня высказывание Константина Райкина о цензуре на следующий день высказался пресс-секретарь нашего президента

Дмитрий Песков. Позволю себе высказаться тоже».

И высказался. Лучше бы промолчал.

«Кто же эти люди, которые осуществляют заказ? Аристархов с Мединским? Или, может быть, Яровая, или Песков? Формулировать заказ будут они? Да, есть чиновники, которым верховная власть делегировала обязанности руководить Министерством культуры и прочими профильными ведомствами. Но не они создавали Большой театр или тот же «Сатирикон», как не они вырабатывали законы поэтики и эстетики, формировали направления и течения современного кинематографа или театра. Как могут они «заказывать искусство»?

Как видите, и могут, и распределяют. Поскольку все политики, так или иначе, владеют одним или двумя ДИПЛОМАМИ о высшем образовании, учеными степенями и званиями. Сегодня ни в Думе, ни в аппарате президента рабочих и крестьян со средним образованием не наблюдается. Так что, если мериться не пиписками, а дипломами, то у Райкина, Звягинцева, а тем более, Навального, никаких преимуществ над современными депутатами и чиновниками нет.

Распределение бюджетных денег среди адептов и есть старинная форма упреждающей цензуры. Финансовые цензоры могут и заказать всё, что хотят, и цензурировать наотмашь, направо и налево. Для того и создавалось государство раньше трагедий Эсхила и Софокла, чтобы не только грозить им пальчиком, но и жечь на костре, если понадобится, и автора, и его произведения. Нужно быть ребенком, чтобы думать, что, если деньги будут распределять Еврипид или Станиславский, Джигарханян или сам Райкин, то Звягинцев получит больше Серебренникова.

Видимо, Звягинцев считает, что право на менторство ему дает его широкая известность, популярность, поддержка самого Навального как столпа либерализма. Но сказать, что роли, сыгранные Путиным и Песковым, степень и масштаб их артистизма, мировой известности в чем-то уступают влиятельности Звягинцева и Серебрякова, никто не сможет. Так что, намекать, на то, что, якобы, фильмы Звягинцева, хамство Серебрякова или акции Навального в чем-то переплюнули фильмы о Путине, его акции и мораль-

ные оплеухи западным партнёрам – непродуктивно. Путин сегодня и искренними сторонниками, и непримиримыми врагами оценивается, как сильнейший **капиталистический** президент мира, не самой сильной капиталистической страны. Жаль, что этого не понимают многие левые и в качестве противовеса Путину выставили, всего навсего, Грудинина, Сурайкина и Удальцова. Увы, к сожалению, пока, все они слишком слабые актеры на политической сцене.

Полезно сообщить Звягинцеву, что он, как и Песков, не имеет никакого отношения ни к созданию Большого театра, ни Сатирикона. И потому, тоже, не имеет никакого права на распиловку бюджета. Но он явно забыл, что, Большой театр был создан по высочайшему соизволению государя императора, что «Жизнь за царя» была нормой поведения всей труппы этого государственного учреждения, что слова полковника Скалозуба о фельдфебеле, который мигом успокоит, как только кто-то из режиссёров этого театра пикнет что-то неподцензурное, списаны с реальности. Он забыл, что Большой театр менял гербы на своём фасаде, и ещё раз сменит, менял репертуары и названия некоторых опер, и ещё раз сменит. Так что и сегодня с государевым театром не происходит ничего необычного. Т.е. Песков и Мединский делают с театрами то, что с труппой Большого театра цензоры делали в течение всей театральной истории.

У Звягинцева мнение о Пескове, Яровой, Мединском, как у Паниковского о Шуре Балаганове. Он считает, что избранные миллионами кинозрителей депутаты, президенты и управляющие гигантской капиталистической страной по этим мандатам, создающие и принимающие законы на десятилетия, а не сценарии на полтора часового фильм, в чем-то уступают Райкину, который не может собрать денег даже на собственный театр, а выпрашивает деньги у... Мединского. Но, если существует мнение, что Райкин и Звягинцев – таланты, хотя и без денег, то их оппоненты злые, но гении и с деньгами. Райкин со Звягинцевым делают хорошую мину при плохой игре в роли бойцов риторического фронта, выпрашивающих у злодеев деньги на добрые дела. К сожалению, многие левые и правые сегодня не понимают, что относительные успехи политики Путина и его команды, по сравнению с политикой, например, Навального, Собчак, Гозмана пропорциональны различию в уровнях их

рыночной образованности. Разница вся в том, что Путин старается служить российскому капиталу, а его оппоненты объективно служат иностранному капиталу. Тут дело вкуса обывателей, что им кажется слаще – западный хрен или российская горькая редька.

Видимо, как и Солженицын, Звягинцев, живёт ощущением, что он великий художник, и его единственной проблемой является цензура, которая самым подлым образом мешает ему создавать произведения, изрядно одобренные таким же свободным, художественным матом, как, например, у Астафьева, тем более, что его матерщина была одобрена известным скверноведом Познером. Даже жаль, что на роль Шарикова не пригласили в своё время сниматься Астафьева. Получилось бы гораздо хамовитее, чем у Владимира Толоконникова, истинный талант и добрая душа которого полнее раскрылась в фильме «Старик Хоттабыч».

Но, если, **с одной стороны**, в самом общем виде проблема, поднятая Райкиным, Звягинцевым и их цензором Навальным, вполне соответствует марксистско-ленинской постановке вопроса о реакционности всякой цензуры в условиях господства капитала и его службы – буржуазного государства, и этот порыв необходимо приветствовать, то, **с другой стороны**, т.е. со стороны содержания письма Звягинцева, все его недомысли, могут сыграть роль не лучше той, которую сыграли письма Гапона: идти к царю и просить у него защиты от материального и морального грабежа.

Звягинцев делает вид, что не понимает, что избавить мир от цензуры можно раз и навсегда, ликвидировав деление общества на угнетателей и угнетённых и устранив из жизни общества АППАРАТ, защищающий деньги олигархов от «цензуры» со стороны эксплуатируемых и ограбленных ими людей. Этот аппарат, в среде грамотных людей, обозначают словом государство. Нет деления людей на классы, нет и буржуазного государства, нет и аппарата для финансовой формы политической цензуры, а тем более, вкусовщины чиновников.

Но, в том и состоит моральная проблема художников либерального толка. Как только они узнают о наиболее коротком и абсолютно надёжном пути устранения цензуры за счёт построения коммунизма, поскольку там не будет ни политических партий, ни государства, ни денег на взятки, ни цензуры, они тут же готовы встать по

одну сторону баррикад с самыми отъявленными бандеровцами и отстаивать капитализм, который не существует без олигархов и их государственного аппарата, т.е. без чиновников и их личной тирании. Вместе с самыми реакционными силами некоторые художники будут защищать капитализм в России и соответствующую ему надстройку, как это уже случилось ранее, до последнего рядового казака, хоть под Верденом, хоть под Каховкой. Правда, вожди постараются убить своевременно в Париж, как Деникин.

Почему всевозможные Набоковы, Аксеновы махнули на Запад? Они не знали, что писать при коммунизме. Ведь, не будь рыночный мир переполнен террористическим и трагическим содержанием, то о чем писал бы Гёте, Золя, Мало, Ремарк, сценаристы западного неореализма? Или, как использовать, например, Серебрякову свои внешние данные, если не играть злодеев, гадов и неудачников, которых не будет при коммунизме? На положительного героя его типажи похожи так же, как Собчак на Мэрилин Монро.

Какова причина двуличности в поведении и образе мыслей многих современных либеральных художников, особенно недоедающих?

Прежде всего, в однобокой их дипломированности, граничащей с дремучим невежеством. Ведь именно эта социальная прокладка буржуазного общества, как свидетельствуют многочисленные интервью, гордится тем, что училась в советской школе и ВУЗах «чему-нибудь и как-нибудь», а в современной рыночной школе будущих художников уже учат только предмету под названием ЕГЭ. Повзрослев, они, сначала, удивляются функциями буржуазного государства и, только потом, может быть, когда-нибудь, попытаются узнать, почему государство вообще возникло, развилось и приобрело современные формы и функции, и может ли крупная частная собственность существовать без тиранического государства.

Цензура с момента возникновения крупной частной собственности всегда была функцией государства. Не большевики, и не Песков её придумали и учредили.

Не обладая должными знаниями, Звягинцев не видит в своих рассуждениях никакого абсурда. По его мнению, государство должно существовать, собирать деньги с налогоплательщиков и отдавать эти деньги художникам, не задаваться вопросом, кто из них, действительно, ху-

дожник, а кто шарлатан, как Остап Бендер, Малевич, Кандинский или Марко Ротко.

Звягинцев, не будучи членом Российского географического общества, не знает, что ни один сомалийский режиссер не жалуется на наличие цензуры, прежде всего, потому, что в Сомали, пока, нет государства, стандартного для системы частной собственности. Там есть религиозные шайки, пиратские кланы, любительские видео из жизни пиратов двадцать первого века, но нет государства, а поэтому нет и цензуры, правда, нет ни киноискусства, ни режиссёров в словарном смысле этих слов. По той же причине на большей части территории современной Ливии, Сирии, Ирака, Афганистана, нет никакой государственной цензуры. На Украине, например, цензуру осуществляют вооруженные националистические банды. Куда, в силу каких либо причин, не дотягивается рука типичного для капитализма государства, там не может быть государственной цензуры, правда и высокохудожественной режиссуры там тоже нет, как нет и соответствующих ВУЗов, хотя трагических сценариев, написанных кровью по жизням миллионов людей, хоть отбавляй.

Так что, если Звягинцев, в дальнейшем, посвятит свою жизнь искренней борьбе с цензурой, то он должен помнить, что истории, пока, известны две модели государственной цензуры: рабовладельчески-феодално-капиталистическая религиозно-националистическая цензура и её противоположность, коммунистическая НАУЧНАЯ «цензура» в интересах большинства трудового населения или, как говорят технари, защита от дураков. Первая цензура основана на ИНТЕРЕСАХ правящего класса, т.е. и на том, что пожелает мизинец на правой руке сыночка или эскорт-секретаря олигарха. Коммунистическая цензура рассматривает художественные произведения с точки зрения их из соответствия ОБЪЕКТИВНЫМ ЗАКОНАМ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА. Разумеется, найти художника, который бы знал хоть один объективный закон общественного прогресса в современных условиях, практически невозможно. Некоторые «художники от бога» считают, что таких законов вообще не существует, и потому отдельные профессионалы весь свой талант дрессированной говорящей, пишущей и рисующей обезьяны тратили на мастерскую, на бездумную съемку парадов и других ритуалов, например, с участи-

ем Муссолини, Гитлера и других людоедов, признанных, впоследствии, беспрецедентными преступниками за всю историю человечества. А ведь, было бы неплохо, если бы каждый режиссёр задался мыслью: как гарантировать себя от повторения той роли, которую сыграла режиссер Лени Рифеншталь в том, что миллионы немецких обывателей сделались окончательными болванами под влиянием её гениальной работы и отравились завоёвывать себе жизненное пространство ровно туда, где растворилась армия чингизидов, замерзли армии польских и французских захватчиков, тем более, в момент, когда страной управлял гениальный ученик Ленина — Сталин.

А что пишет Звягинцев, демонстрируя свое подростковое мелкобуржуазное позерство? Он, видимо, не понимает, что у цензуры при капитализме есть две функции. Во-первых, разрешать определенным авторам писать всё, что негласно рекомендовано сверху, а, во-вторых, гласно запрещать другим авторам публиковать материалы, не содержащие одобрения «цивилизации», удобной, прежде всего, списку субъектов из журнала Форбс. Если бы Звягинцев заглянул на сайты и блоги Навального, то удивился бы **единомыслию**, переходящему в армейское однообразие всего, что там опубликовано, и обратил бы внимание на то, как дружно, по-астафьевски, попознерски сторонники Навального матерят и банят, т.е. «цензурят» инакомыслящих.

Что означает венецианский приз фильму Звягинцева «Левиафан», с точки зрения цензуры? Деньги, выданные Звягинцеву, означают, что иностранные государства финансово поощряют в наше, мягко говоря, конкурентное время, балансирующее на грани третьей мировой войны, художества Звягинцева. Т.е. иностранные государства своими сребрениками дают ясно понять Звягинцеву, что его творчество ВЫГОДНО этим иностранным государствам. Получается, что подобное вмешательство в его творчество тупых цензоров из зарубежных государств Звягинцева вполне устраивает, а отечественные тупые цензоры его злят.

«Совершенно очевидно, — пишет Звягинцев [Что, неужели, уже всем и, даже, «совершенно» это очевидно? — В.П.], — что в пространство культурной жизни страны цензура вошла в полный рост. [Интересно, доживёт ли

Звягинцев до того момента, когда цветочки нынешней цензуры превратятся в её ягодки, как, например, на Украине. Написал ли Звягинцев хоть строчку протеста, когда украинские «цензоры» пулями запретили творить Олесю Бузине? Реакция украинского государства всем известна. – В.П.] *Отрицать это может только лжец или невежда. Запрет спектакля, запрет выставки, запрет публикации текста – все это и есть цензура. Просто невероятно, с какой легкостью сейчас происходит подмена понятий. Никто даже и не морщится. Мы говорим: «Это цензура», они говорят: «Это госзаказ». И еще нам же предлагают «не путать понятия». Вы сможете назвать хоть один оперный театр или хотя бы с десяток кинокартин, созданных без участия государства? Ситуация в нашей экономике и культуре сейчас такова, что их нет. Стало быть, следуя логике пресс-секретаря, для которого «если государство дает деньги... оно заказывает произведение искусства на ту или иную тему», выходит, что практически вся культурная жизнь России сегодня ангажирована властью».*

Легко заметить, как легко Звягинцев смешивает деньги и цензуру: «Мы говорим деньги, подразумеваем цензуру, мы говорим цензура, подразумеваем деньги». Уже одного этого набора трескучих поверхностных фраз достаточно для того, чтобы понять, как мало и плохо работал над своими аналитическими способностями этот «инженер душ человеческих», когда учился в театральном училище искусству внешнего, мимического перевоплощения своей личности во что угодно. Верю, что выпускник Звягинцев на сцене не мог внешне перевоплощаться и в Яго, и в Ягуду, и в Бабу-Ягу, и... всё на бис. Но история показала, что, кроме текстов пьес и отдельных популярных изречений древних авторов, заученных наизусть, в сознании большинства режиссеров рыночной этиологии, нет ни байта от сути учений о государстве Аристотеля, Гегеля, тем более, Маркса, Энгельса, Ленина, поскольку труды этих авторов, особенно философские, требуют от читателя существенно больших умственных усилий для усвоения, чем текст драм и комедий, напри-

мер, Шекспира, содержание которых с успехом осваивают троечники в средней школе.

Интересно, понимает ли Звягинцев, что оценки, полученные им в тех учебных заведениях, которые он окончил, и есть одна из форм строгой, иногда взыскательной, критической оценки, т.е. цензуры его творчества. Учителя, как правило, долго и снисходительно, терпеливо, часто, щадя самолюбие подростка, а позже, студента, выслушивают его, читают его курсовые и дипломные работы, правят, а потом, разъясняя этому учебному полуфабрикату то, что он ещё непонял в данной учебной дисциплине или в конкретном сценарии. Разумеется, студент, как правило, ерепенится, огрызается, крутит фигу в кармане, получает свою оценку и уходит от учителя, не понимая, что учитель, в дальнейшем, или будет надрываться, чтобы продолжить дело образования молодого дарования, или предпочтёт не тратить больше сил на подобного Митрофанушку. Получив в руки диплом об окончании училища, тем более диплом Венского кинофестиваля за лучший, с точки зрения ангажированного западного «ценителя», иностранный фильм, трудно удержаться от мысли, что ты уже неподсуден. В этом деле спешка, тоже, очень вредит.

Например, режиссер Марк Захаров своевременно понял, что «даром преподаватели, время на...» Марка тратили, он плохо усвоил уроки перевоплощения, а потому подался... в режиссёры. Стал сам учить актёров играть. А режиссура – это и есть разновидность цензуры, при которой плохой актёр Захаров, или Любимов (вообще омерзительный актеришко) объясняют состоявшемуся актёру, что и как ему на сцене делать, причем, довольно категорично, а частенько, и по-хамски, с помощью трехцветного фонарика. Всякий молодой, и не очень, актёр, пытавшийся подсказать Захарову или Любимову, как сыграть лучше, долго в этих театрах не задерживался. Да и Звягинцев вряд ли особо смущался, когда требовал от своих невольников – операторов, осветителей, художников и актёров полного подчинения, не понимая, что актёры ему подчиняются в силу своего вечно затруднительного финансового положения, как Миша Ефремов, как и все наёмные рабы при капитализме.

Или Звягинцев считает, что у актёров нет своего профессионального мнения, а тем более, таланта? Или Звягинцев думает, что раз он платит, то волен требовать от актёров лишь тупой испол-

нительности, и не воспринимает свои указания как цензуру, и не считает всё это проявлением своей власти, чтобы не сказать, самодурства?

Думаю, что именно потому, что актёры подчинились требованиям Звягинцева, фильм и получился вполне рядовым, серым, ничем не превосходящим сотни, уже выпущенных в России бандитско-полицейских сериалов, начиная с «Бумера» и не кончая, «Бандитским Питербургом», «Ментовскими войнами», «Глухарём», «Следом»... В этом смысле, по затронутой теме и развитию событий, «Левиафан» несомненный плагиат. Более того, со времен Шекспира, авторы стремились в своих персонажах отразить сложную противоречивость личности. А в «Левиафане» мы видим мелкотравчатого индивидуалиста-неудачника в лице Серебрякова, и однозначного злодея в лице его гонителя. Схематичнее и не придумаешь.

А почему фильм Звягинцева получил именно зарубежный приз, а аналогичный сериал «След» или «Ментовские войны» никак его не получают? Да потому, что Звягинцев представил российский, теперь уже конкурирующий капитализм, УНИКАЛЬНО бандитским: олигархи – бессердечны, чиновничество – продажно-тираническое, православная церковь – продажно-циничная, на фоне чего, любой аналогичный западный фильм своим «хеппи-эндом», киношным наказанием зла, наполняет сердца обывателей оптимизмом. После просмотра фильма, по расчету Звягинцева, у большинства зрителей останется «послевкусие»: русский капитализм – уникально плохой капитализм, по сравнению с любым других и киношным, и реальным капитализмом.

На самом же деле, русский капитализм самый обыкновенный, в главном списанный с англ-

ийского империализма. Протест Звягинцева против тирании российских олигархов, против их власти над органами правопорядка, против их связи с церковью можно было бы оценить как проявление его марксистских убеждений, если бы не одно обстоятельство: его главный герой-страдалец – уменьшенная копия Левиафана. Дай волю этому страдальцу, борцу за свое частное благополучие, и он сам, с садистским удовольствием, займёт место съеденного конкурента. Достаточно обратить внимание, с каким ожесточением Серебряков и его герой защищают свой мирок и на экране, и в жизни. История не знает

случая, когда бы мелкий предприниматель не старался стать крупным ради того, чтобы покурить не хуже Абрамовича с Березовским, Порошенко с Коломойским...

Как известно, Шекспир считал, что весь мир театр, а люди в нём актёры. Может, Звягинцев уже опроверг эту мысль и считает, что театром драмы и комедии под названием

РФ легче режиссировать, чем бродячими голодными актёрами? Видимо, если Звягинцева сделать министром культуры, то он вывалит годовой бюджет министерства на стол, отсчитает себе скромную годовую зарплату, и воскликнет: налетай, профессионалы, и творите, что хотите на оставшиеся суммы, а я буду, просто, сидеть в министерском кресле, ничего не запрещая, в силу неспособности и нежелания отделять грешное от праведного.

Сказанное здесь не означает, что я, автор данной статьи, признаю Мединского виртуозом умного распределения средств на развитие искусства. При капитализме практически все представители власти олигархов – хуже всех.

Думаю, что не сильно преувеличу, если ска-

жу, что кинорежиссерам нет веских причин переоценивать свою роль в жизни общества. Ведь, с учётом массовок, в «Левиафане» было задействовано не более 300 человек, т.е. не больше мотострелкового батальона. Следовательно, **управленческая** задача, которую решал Звягинцев на съёмках фильма, по своей премудрости, если не надувать для важности щеки, как Киса Воробьянинов, не строить из себя отца русской демократии, сродни той, которую два раза в год на тактических учениях с боевой стрельбой вынужден осуществлять командир мотострелкового батальона в звании от капитана до подполковника. И, если у Звягинцева в фильме фигурировали пара винтовок, один автомат, пара пистолетов, троица психопатичных «героев», свихнувшихся на почве частной собственности, пьянки, власти, секса и религии, то у самого затрапезного командира батальона задействовано в учениях с боевой стрельбой 300 характеров без особой материальной зависимости, 30 боевых машин, минометная батарея, вывозится не менее 120 противотанковых ракет, 90 пулемётов, ящики с боевыми гранатами, укладки боевых выстрелов к пушке на каждой машине и горы боевых патронов к стрелковому оружию. Перед учениями командир полка пишет на карте сценарий, требующий от каждого участника учений усилий, абсолютно не уступающих, а часто, в связи с педагогическими принципами Суворова, превосходящих по изматывающей силе то, с чем столкнется мужчина в настоящей войне, а тем более на съёмочной площадке. И попробуй комбат внести в сценарий учения какую-то свою художественную идею, особенно, если при этом погибнет боец или сгорит единица техники.

Всё точно так происходит и в боевой обстановке. Расписывается сценарий, в виде боевого приказа, в котором в конце не «занавес», аплодисменты, цветы и невредимый Серебряков уезжает в Канаду, а каждый из 300 неоспартанцев знает, что спектакль, под названием: наступление мотострелкового батальона на реального противника, например, в Чечне или Сирии, кончится для многих, в лучшем случае, госпиталем. «Стихия войны есть опасность», писал участник Бородинской битвы, Клаузевиц. Можно добавить, и только тот, кто вполне владеет военным ИСКУССТВОМ, способен преодолеть тот **страх**, который порождается опасностью.

Разумеется, Звягинцев предложит не путать

его высок-к-кое искусство, уникальность его произведения, тончайшие извивы его сценария, мягкие намёки на толстые обстоятельства с примитивным боевым приказом какого-то майора на батальонное учение или на реальный бой, в котором каждый будет играть роль, за которую в него будут *«сто пушек целиться, наверно...»*, а не жестокосердные цензоры.

Однако немного найдется оснований для того, чтобы все режиссеры претендовали на некую исключительность своего искусства, фактически, утверждая, что всё ими отснятое, в любом случае, является вершиной искусства, не допускающего какой-либо критики или управления.

Разумеется, кое-какие виды прикладного искусства, например, гончарного, возникают раньше государства, цензуры и, например, раньше военного ИСКУССТВА. Однако в то время, когда ещё не существовало **теории**, каких бы то ни было художественных искусств, одна из областей общественного бытия уже была не только разработана теоретически, но и приобрела славу занятия, наиболее естественного, аристократического, возвышенного, угодного богам, в том числе, и Олимпу. Первой, из теоретически развитых областей знаний, была теория искусства управления обществом, т.е. полисия, как её называл Аристотель во времена расцвета Афин, а вместе с полисией, теория права, т.е. теория норм **применения СИЛЫ** государством по отношению к индивидам и целым народам. Теория военного искусства, фактически, является процессуальным кодексом применения силы в максимально возможных объемах и без ограничений ради победы над конкурентом. И нет принципиальной разницы между положениями процессуального кодекса, делающими легитимным применение силы при задержании граждан, вплоть до правил расстрела их во время совершения ими попытки к бегству, что почти ежедневно происходит во всех капиталистических странах, и положениями теории военного искусства, использованных при уничтожении армии Ганнибала или армии восставших римских рабов под предводительством Спартака.

Звягинцеву не хватает образованности и совести, чтобы понять, что без вооруженных сил, в том числе, и полиции, стоящей на страже безнаказанности работы покладистых цензоров, капиталистическое общество не просуществует и дня. Поэтому, быть сторонником крупных сумм

денег, защитником мелкой буржуазии и пытаться, как это делает Звягинцев, ограничить капиталистическое государство в каких-то его силовых и финансовых функциях, выработанных вековой практикой сохранения тирании крупной буржуазии, верх глупости.

Звягинцев пишет, что «вмешательство властей в профессиональные дела любых специалистов часто абсурдно, но во сто крат абсурднее вмешательство в дела художников. Это профессия, сама суть которой — свободное творчество, то есть рождение нового, до поры до времени не известного даже самому художнику. Когда чиновник задает автору тему и контролирует «правильное» ее воплощение в акте искусства, он метким ударом стреляет в самое сокровенное, что есть в профессии, — в тайну творческого процесса». Гора родила очередную мышь. Оказывается, Песков метко вмешался в тайну творческого процесса Райкина, не дав ему денег.

Капиталистическому государству некогда расшифровывать художественные тайны, тем более что сам Звягинцев признается, что сам не понимает, как у него что-то образуется на выходе. Современная власть поступает проще. Она даёт деньги под тему. Западная власть задаёт свою тему российским грантоедам, российская власть даёт деньги своим сторонникам, и конкуренция идёт. Более того, ни в одной капиталистической стране власти никогда не касаются именно «тайн» бессмысленного творчества кубистов, абстракционистов, авангардистов, сюрреалистов и других извращенцев от искусства. Это в СССР дол-

гое время не оплачивали творцов бездумного формализма, поскольку их кормили западные толстосумы. А при капитализме никто, даже Песков, не собирается копаться в художественных тайнах всевозможных Серебренниковых. Твори, что хочешь, отвлекай народ на ерунду, и ни один цензор тобой не заинтересуется. Пикнешь невпопад, власть тут же спохватится, поскольку она всегда конкретна, и окажется, что Серебренников растратил деньги неаккуратно, а потому будет сидеть вместе с подполковником Захарченко, неаккуратно накопившим деньги.

Заключение

Деньги — деньгами, цензура — цензурой, но нельзя упускать главного.

В результате отрыва форм искусства от научно обоснованного содержания в сторону «творческих тайн», в результате коммерциализации искусства, рыночное общество все больше дичает. Так, например, видимо, не без влияния творческих тайн фильма о Ганнибале Лекторе, 5 августа 2014 года, в свободной от коммунистической цензуры, Риге, на улице Алисес было совершено убийство: ранее судимый за убийство 40-летний Виктор, убил свою 45-летнюю подругу, Жанну. Из материалов следствия можно узнать, что, по словам свидетелей, убийца, тоже, собирав-

ся... съесть свою жертву.

22 марта 2018 года в той же, свободной от цензуры, Риге, человек, называющий себя художником, устроил кровожадный перформанс. Рижский художник решил смело представить, живой ещё публике, собственное видение романтического вечера недалекого будущего: поеда-

ние семейной парой жаренного человеческого мяса. Человеческое мясо вырезалось, жарилось и поедалось реально на глазах тупо наблюдавших зрителей. Граждане, просто, стояли и учились. «Художник» никого не просил, не повторять этого дома.

Видимо, глядя на обилие американских танков на нэзалэжной территории Латвии, художнику, с его рыночным воображением, легко было представить будущее этой страны и начать приучать население Латвии к мысли, что, как и в Сирии, где, поддержанные США борцы за демократию, поедают печень убитых врагов, правда, в сыром виде, в ходе дальнейшего приобщения к ценностям бесцензурной демократии, латышам придется, местами, привыкать и к реальному каннибализму. С точки зрения христианской морали здесь нет ничего необычного. Просто, имеет место художественное развитие идеи о «поедании тела и крови господней».

27 марта 2018 года пришло сообщение, что на крыше одного из высочайших зданий Лондона художник расставил несколько десятков «скульптур», изображающих людей, готовых прыгнуть с крыши под ударами рыночной жизни. А статистика свидетельствует, что в Англии, действительно, неуклонно растёт число самоубийств среди мужчин, достигших возраст 40-45 лет, но утративших желание жить в этом отцензурированном мире. В Японии такой перформанс, пока, не проводили, хотя, и там, количество смертельных прыжков людей вниз, описы-

вается многими нулями каждый год.

Сомневаюсь, что эти «скульптуры» откроют для потенциальных самоубийц истину больше, чем бюст Маркса, стоящий там же, в Англии. Вряд ли Звягинцев позволит своему герою из фильма «Левиафан», во второй серии, сделать в своей борьбе против тирана что-либо умнее, чем прыжок с крыши тюрьмы. Например, организовать коммунистическую партию.

Поэтому, **повторюсь** для слоупоков. Пока, в мире существует крупная частная собственность, до тех пор государства, особенно Западные, САМЫЕ РАЗВИТЫЕ, будут защищать свою собственность на всём земном шаре от возмущений со стороны ограбленных вкладчиков, дольщиков, пайщиков, для чего чиновники будут «крышевать» всех бизнесменов, собирая с них налоги, а чтобы удерживать мышление масс в рабском состоянии, государства, прежде всего, Западные, по многосотлетней традиции, будут нанимать себе на службу культуртрегеров из всех стран-конкурентов, в том числе, и контрразведчиков, и актёров Большого театра, и искусствоведов и цензоров и из числа либеральных россиян. Таковы законы конкуренции в мире частной собственности, т.е. общества взаимного поедания. И всё это время будет актуальна констатация Грибоедова относительно взаимосвязи государства и искусства: «... *Фельдфебеля в Вольтеры дам. Он в две шеренги вас построит, и только пикни, мигом успокоит*». И, действительно, успокоит, а если нужно, то и упокоит.

Апрель 2018

Редакция журнала « П р о р ы в » :

Мартынов Ю.М. Кандидаты
(главный редактор), **В состав**
Подгузов В.А., **редакции:**
Петрова О.Б., **Грано И.,**
Лбов А.В., **Смагин Г.,**
Федотов Н., **Советский И.,**
Иванов А. **Боровых А.,**
Огиенко Р.,
Вахитов Х.,
Иванов Д.

Н а ш и к о н т а к т ы :

Почтовый адрес :

109378, г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79, Петровой О.Б.

Электронные адреса:

petrova@proriv.ru,
kohet@list.ru

Телефоны:

(495) 378-37-59 Петрова О. Б.

Посетите наш
сайт в Интернете
www.proriv.ru.

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках:
экономика, политика,
философия, этика, история,
военные вопросы, рецензии и
критика, политическая
публицистика, юмор, а также
большую подборку
коммунистической музыки,
коллекцию ссылок на
марксистские издания и
библиотеки, листовки по
актуальным вопросам,
исторические документы и
исследования.

На наш журнал можно подпи-
саться. Для этого нужно на-
писать в редакцию письмо
или связаться с ней по теле-
фону, и с этого времени Вы
будете получать наши журна-
лы по почте или лично. Цена
одного экземпляра журнала
с учетом почтовых расходов
60 рублей.

*Редакция работает на общественных началах.
Рукописи редакцией не рецензируются,
не редактируются, не корректируются
и не возвращаются.*

Цена свободная. Тираж 800.
Объем 46 стр. формата А4.
Подписано в печать 24.04.18.
Дата выхода в свет 27.04.18.

Зарегистрирован Центральным
территориальным управлением
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и
средств массовой информации.
Свидетельство о регистрации ПИ №1-
00915 от 20 декабря 2002 г.
Учредитель Петрова О.Б.

Адрес редакции и издателя: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.
Адрес типографии: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.